

ЛЮБОВЬ ПОПОВА

БЕЗ ТЕБЯ

НИКАК

Любовь Попова
Без тебя никак

«Автор»

2022

Попова Л.

Без тебя никак / Л. Попова — «Автор», 2022

Виктория Даниленко золотая девочка. Дочка влиятельного полковника, живущая по принципу «Каждый день как последний». Марат обычный вояка, живущий по строгим нравственным правилам и строящий большие планы. Между ними ничего общего. Между ними разница культур и моральных принципов, между ними пропасть социальная пропасть. Между ними страсть, которой невозможно сопротивляться. И вопрос лишь в том, сожжет она их, или согрет на всю оставшуюся жизнь... В книге присутствует нецензурная брань!

© Попова Л., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	37
Глава 9	40
Глава 10	43
Глава 11	47
Глава 12	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Любовь Попова

Без тебя никак

Часть 1

Глава 1

– Ну что, можем ехать? – Камиль с интересом взглянул на мою сумку, которую я бросила назад. Охватил взглядом короткие шорты, конверсы и футболку с Микки Маусом.

– Всего одна сумка? А где чемодан и море косметики?

В сумке всего-то шлепанцы и купальник. Остальное можно купить уже там. Я бы и больше взяла, но тогда я бы вряд ли смогла вылезти в окно второго этажа своего дома.

– Тебе не угодишь, Садыров. То много вещей, то мало.

– Не бухти, Викуль. Могла бы вообще голой поехать, я бы не обиделся, – подмигивает мой парень. – Погнали. Все уже ждут.

– Ну и чего ты тогда стоишь? Погнали, – откидываюсь в кресле, бросая взгляд на дом. Отец спит, видит десятый сон и не знает, что дочка ослушалась его прямого приказа. Словно я какой-то солдат. Словно одна из его многочисленных подчиненных. Мне кажется, он до сих пор пытается сделать из меня сына. Вон уже и документы за меня в вуз МВД отдал. Достал. Неужели непонятно, что меньше всего мне хочется ходить на парадах так, словно у тебя палка в заднице застряла.

Мысли сбивают пальцы, сжимающие колено, и я тут же отбрасываю руку.

– А где твое «буду вести себя прилично»? – вскидываю я брови, а мой парень нахально усмехается. Красивый, зараза. Разве я могла выбрать кого-то менее красивого, с моей-то внешностью. Высокий, спортивный. Не обремененный политическими взглядами отца, как наш общий друг Никита Самсонов и не донашивающий последние трусы, как Артур Левицкий. Идеальный вариант, чтобы особо не напрягаться, если приспичит переспать или закончить недо-отношения. А его кошачью натуру можно легко приручить, если наконец решусь с ним переспать.

– А где твое «все скоро будет, Камильчик»? Сколько можно меня динамить.

– Хочешь найти кого-то поговорчивее, вперед, – дую я губы, а он пальцами в руль впирается. Знаю, что не уйдет. У него уже спортивный азарт. Завалить Даниленко. Я тут же смягчаюсь, отстегиваю ремень и обнимаю его за шею. – Ну не злись, Камильчик. На этой неделе точно. Море, жара, жадные взгляды. Уверена, у тебя будет шанс снять с меня трусики.

– Дрянь ты, Даниленко, – обхватывает он мой затылок и долго-долго орудует во рту языком. Никакой романтики, голая похоть. И почему девкам это так нравится. Как по мне, так эти поцелуи вообще не возбуждают. После них только рот сполоснуть хочется.

Мы мчим по дорогам как угорелые, особо не запариваясь насчет штрафов и прочего, и уже совсем скоро тормозим во Внуково. Камиль, как истинный джентльмен, берет мою сумку, и мы идем к паспортному контролю, где нас уже ждут друзья. Я просто схожу с ума от радости, что мне уже восемнадцать, о чем постоянно напоминаю отцу. Но разве ему что-то докажешь.

Наденька прилипла к Никите, словно мармеладный червяк. Ну конечно, победа, он наконец с ней. Артур, как обычно, занимается всеми организационными вопросами. Сразу протягиваем ему паспорта, а он отдает их на контроль. И только тут я замечаю серое пятно рядом с ним. Блин, она же с нами в классе училась. На выпускном еще в смешном розовом платье была. Как же ее.

– Диана. Че встала, иди сюда, – шикает Артур, и она, вздрогнув, идет к нему. Высокие отношения, нечего сказать. У него такое лицо, словно он не рад, что взял ее с нами. Тогда зачем взял?

Я бросаю взгляд на Надю, а она пожимает плечами. Ну это и понятно, она теперь вплотную займется Самсоновым. Остальное ее не волнует.

А меня волнует только одно, чтобы папа не организовал погоню, потому что через три дня у меня собеседование в вуз МВД, и я точно собираюсь его пропустить.

– Все нормально? – обнимает меня Камиль, а я киваю.

– Конечно нормально, ты же со мной? – улыбаюсь я как можно шире, а у самой на душе кошки скребут.

* * *

Люблю самолеты.

Полное отсутствие контроля над своей жизнью. Даже мнимого. Тут никакие подушки безопасности не помогут. Летишь и понимаешь, что пристегиваться надо только для того, чтобы твое тело потом нашли. Летишь и понимаешь, что от тебя ничего не будет зависеть. Странно, что в жизни мне этого не нужно. В жизни я все хочу решать сама!

Морщусь от очередного взрыва хохота. Тоже мне, золотые детки. Сдохни мы в этом самолете, никто даже горевать не будет.

Все болтают, ржут как кони, а я пытаюсь наслаждаться, закрыв глаза и вжав пальцы в подлокотники, ощущая и скорость, и шум двигателя, который может накрыться в любой момент.

Как и наша, так называемая, дружба. Такое ощущение, что пять бесполезных деревяшек прибило друг к другу. Сначала нас с черноволосой миниатюрной Надей. Я только перевелась в элитную гимназию, до этого прожив очень долго в закрытом военном городке. Мы с ней просто как-то посмеялись над девочкой, которая на вопрос о книге «Дозор» Лукьяненко пропела песню из фильма, сказав, что именно таким был сюжет. Столкнулись взглядами и решили, что обсуждать тупость других вместе веселее. Потом нашли себе кавалеров, а где-то в десятом классе решили, что должны сделать их своими парнями. Я сначала даже потопила эту идею, а наши родители наоборот подкидывали в костер поленьев, уже чуть ли не обсуждая детали свадьбы.

Парни обсуждают новую тачку Камиля. Никита со стороны понтореза, знающего все о цене и престижности, а Артур со стороны технической части. На этом самом «Мустанге» мы и приехали. Красивая машина. Красная и скоростная.

Я тоже такую хочу, но отец считает, что женщины вообще машины водить не должны. Сволочь.

Он и маме все запрещал.

Не удивительно, что она от него сбежала при первой возможности.

– Ну что, Вик, прокатилась на новой тачке Камильчика? – Никита играет бровями, а я корчу рожу и отворачиваюсь.

Одна из причин, почему я еще не переспала с Камилем. Он тут же понесет это Никите. Во всех подробностях.

У этих двоих вообще секретов нет. А быть темой дня во время очередной попойки мне не улыбается.

Я перевожу взгляд с Никиты на Надю, а та шурит взгляд. Ну что ж, жертва найдена.

– Давай лучше спросим, как Надюша на твоём «Лексусе» катается. Как долго заводится, как быстро тормозит перед опасностью. Нравится ли ей? – я знаю, что она не особо эту тему любит. Мы с ней вообще почти секс не обсуждаем. – А может тебе мало одного пассажира, и вы позвали компанию?

– Вика!

– Что? Подаю плохую идею?

– Все, Вик, угомонись. Никита просто растормошить тебя хотел. Ты какая-то странная. Отец точно тебя отпустил?

– Я же с тобой, а ты знаешь, как наши отцы мечтают нас поженить. Так что не заругает, – а даже если заругает, то не побьет. Он может орать, метать икру, но никогда меня не тронет.

– И нас тоже, – мечтательно произнесла Надя, надевая маску самой милой и нежной. Аж блевать хочется.

Я, если стерва и могу послать матом, то не скрываю этого, а Надя все время делает вид, что девочка целочка, тупологовый одуванчик, который только и умеет что улыбаться. Мол, мужики таких ооочень любят, девок, которые им в рот заглядывают. Тип «Золушки».

Вон даже замухрышка Диана на это ведется. Смотрит на Надю чуть ли не влюбленными глазами.

Артур молчит, что-то читает. Он всегда в учебе. Он и за Никиту с Камилем постоянно что-то дописывал. Они ради этого и держат его рядом. Хотя он далеко не их поля ягода. Парень из обычной семьи, который попал в этот мир больших денег и понтов только благодаря своим знаниям, а остался благодаря мозгам, потому что как хамелеон умеет подстроиться под любую ситуацию. Тем более странно, что с ним делает Диана эта.

Она даже по приезду в Сочи, на пляже не стала переодеваться. Сидела в своем черном купальнике (тот случай, когда не стройнит ничего) наблюдала за гибким телом Артура, который с парнями гонял в волейбол.

– Вика! – подбегает Камиль, кидает в меня мяч, а я ловко отбрасываю. Любуюсь отличными формами своего парня. Пусть завидуют все. – Сгорят дыньки. Погнали играть.

Я понимаю, почему он меня позвал. К нему уже девка подкатывает, и ему вроде как нужен щит против его распутства, а я не против.

– Погнали. Надя?

– Смеешься? Мой спорт – это перевернуться с бока на бок.

Ну да, гены.

– Диана?

– Я тут посижу. Книжку читаю, – показывает она толстый том, который недавно держал в руках Артур. Ну что ж, пара задротов нашла друг друга.

Я бегу за Камилем, замечая на себе сальные взгляды, купаюсь в них, мысленно показывая всем средний палец. Хотя пускающему слюни Никите самый настоящий. У него вообще пунктик на блондинках. Но все равно Надя смогла его охмурить.

Принимаю позицию для игры рядом с Артуром, который, кстати, даже внимания не обратил на мой оранжевый (вырви глаз) купальник.

– Может ее к косметологу? – спрашиваю его после удара, а он головой качает. Цепляет взглядом новую зазнобу. Она поправляет очки и снова утыкается в книжку. Господи, еще и очки. Тяжелый случай.

– И так нормально.

После пляжа мы все заваливаемся тусить в дом Самсоновых на берегу Чёрного. Огромный двухэтажный особняк, который, по большей части, пустует.

Сегодня намечается большой движ, и, судя по блестящим глазам парней, они уже заказали всякой дури. Я не любитель, так что максимум коктейль. Может, и не один. После как-то хорошо уносит, не хочется ни о чем думать, например, о блондинке, которая улыбается Камилю. Блин, он не может не улыбаться в ответ. Вечный кот. Рядом со мной его держит только навет отца, который жаждет наградить меня татарской фамилией, и моя потрясающая фигура. Он хочет меня. Настолько, что все-таки отлипает от своей крали и машет мне. Да, да, я глупая дура и не понимаю, что стоит мне отвернуться, он обязательно зажмет ее в углу. О чем еще

надо забыть? О Наде. Она обожает, когда ее боготворят, так что теперь у нее новая подружка Диана, которая сама не пьет и не веселится, пока ее парень общается с Никитой, зато стабильно таскает Наде попить.

Но все это мелочи по сравнению с сотней пропущенных от отца. Лютует поди. Терпеть не может, когда не слушаюсь. А в этот раз я просто сбежала.

Но если еще не позвонили Камиллю, значит, не все так плохо.

А вот и он, бросил свою цацу и с горящими глазами приближается ко мне. Тянет танцевать. Я, закинувшаяся двойной порцией сладенького «секса на пляже», в принципе не против, но, когда его рука лезет в трусы, минуя мои возмущения, толкаю его в бассейн. Он плюхается с сильным шумом, окатив близ стоящих ребят.

– Вика! Ты сука ебаная! – он орет на меня. Злой и смешной одновременно. Всем смешно. – Тебе смешно? Да хватит ржать, ублюдки! Помогите мне, – подплывает он к краю.

Я ржу, протягиваю руку и только в последний момент понимаю, что он прекрасно может выбраться сам. Так что руку-то я не даю, показывая средний палец. Совсем меня за дуру считает?

– Охладился?

– Давай тоже! – орёт сзади кто-то и, подняв меня в воздух, просто бросает в воду. – Все прыгаем!

Чеерт!

Тут же бассейн заполняется пьяными молодыми телами.

Я потихоньку вылезая, уже иду к спальням, где планирую закрыться и переодеться во что-то менее взрывоопасное, иначе Камиль трахнет меня прямо у бассейна.

Только вот иду медленнее, чем хотелось бы. Музыка приглашенного диджея долбит по ушам.

Все-таки четвёртый коктейль был уже лишним, а вода расслабила окончательно.

По стенкам, вдоль лестницы снуют парочки, плотно занятые ртами друг друга. А кто-то уже смачно вылизывает голые сиськи.

Надеюсь, я успею найти комнату до того, как ее займут.

Держусь за перила и напеваю дурацкий мотив. По стеночкам, по стеночкам.

Боковым зрением улавливаю движение.

В дверь дома со стороны улицы заходит мужчина.

Глава 2

Я даже торможу, потому что перед глазами вроде расплывается, но он словно яркое пятно на черно-белом полотне.

Такого сложно не заметить. Он не сказать, что на много старше нас, но черная поросль на лице и брезгливость дают понять, что сюда он пришел не по адресу.

Пытаюсь сфокусировать зрение, обхватывая взглядом и литые мускулы, которые почти не скрывает черная футболка, и сильные ноги в штанах цвета хаки. Наверное, задница там каменная. Зубы можно пообломать. Почему-то при этой мысли хочется хихикнуть. И я не пытаюсь сдержаться, за что тут же получаю убийственный взгляд мужика в свою сторону. Хорош, нечего сказать. Острые скулы, широкие плечи, ну прям Кларк Кент из моего любимого сериала «Тайны Смолвиля».

Я бы даже улыбнулась ему, отвечая на прищуренный взгляд, но не получается, потому что мини хот-доги, приготовленные на тусу, лезут вверх. Бегу в ближайший туалет. Тут уже не до брутальных красавчиков, случайно оказавшихся на этом празднике жизни. Меня рвет. Но вроде быстро в себя прихожу.

Умываюсь и уже хочу выйти, открываю дверь. В проеме вижу Чеширскую улыбку кота Камиля. Он меня внутрь толкает. Блин. Попалась что ли? У него еще глаза горят нездорово. Точно что-то принял.

– Камиль, я хочу спать, – тупее отмазки не придумать. Ведь надо понимать... Вряд ли сможешь избежать секса, если зажата между стеной и высоким сильным парнем. Ладно, секс, так секс.

– Нет, Вика, заебала динамичность, – он даже целоваться не собирается, разворачивает меня спиной и хочет на раковину опрокинуть. Толкается в зад стояком.

Но меня как по заказу снова рвет.

– Вика! Ну что за хуйня! Как секс, так сразу отмазки.

– Что, не очень сексуально, да? – блин, почему так смешно. Интересно, а тот брутальный мужик тоже бы такую смешную моську скорчил. Но нет, Камиль, кажется, настроен решительно. Стягивает с меня трусы, пытается между ног пролезть, а я бедра сжимаю и ржу над его попытками.

– Ты мне обещала!

Ню, ню. Мальчика обидели. Знаю ведь, что настаивать не будет. Не такой он.

– Да не хочу я в туалете! – дую губы в зеркало.

– Ну хоть отсоси мне! – он дергает меня за волосы в попытке на колени поставить, а я его толкаю в грудь. Еще чего! Гадость всякую в рот брать.

– Фу! Еще раз такое предложишь, пойдешь на хрен, понял!?

– Сука! Ну и пойду, меня там столько телок ждут сочных, чего я тут с тобой ношусь – не ясно.

– Потому что знаешь, что такой, как я, у тебя не будет, – зло усмехаюсь, потрянув чуть влажными волосами. – Ну чего встал, иди, трахай кого хочешь.

– Я могу быть верным, – чуть ли не в грудь себя бьет. – Приходи, когда созреешь.

– Не боишься, что первым можешь стать не ты? – играю я бровями.

– Да так даже проще. Еще возиться потом с твоими «Ай, больно», «Ай, вытащи»!

Был опыт? Даже обидно, что он так легко отказывается. Вернее, даже больно. Ну и пошел он.

– Было бы от чего болеть...

– Моя кувалда тебе в рот не влезет.

– Ну-ну. Ну чего встал? Вали! – уже ору я и кидаю в него банкой жидкого мыла.

Мажу, конечно. Банка шумно лопаётся, треснувшись о стену.

Я закрываю глаза, потому что на меня летит часть белесых брызг. Отлично просто. Он крутит пальцем у виска, и дверь с грохотом открывает. Я только усмехаюсь этой его истерике. Поскорее бы в душ. Снимаю трусы окончательно и иду дверь закрыть, чтобы душ принять, но не успеваю дернуть ручку, как дверь снова открывается. Только вот на пороге стоит не Камиль.

Я сначала даже пару раз моргаю, пытаюсь понять, что за урод врывается к dame в туалет.

С удивлением, так похожим на шок, замечаю огромную фигуру незнакомца... Того самого бугая, что стоял внизу и осматривал происходящее, чуть сморщив свой прямой, красивый нос.

Ну правда красивый.

И нос, и линия скул, высокий лоб, но самое интересное было ниже мощной шеи.

Плечи, руки, господи, какие там руки. Пальцы, крепкие, сильные. Почти стальные.

Нет, он не Кларк Кент из сериала «Тайны Смолвиля», он настоящий brutalный Кхал из «Игры престолов».

Ну что ж, Кхал, я готова быть твоей Кхалиси. Возможно...

Если перестаешь делать вид, что я плохо пахну.

– Ну чего вылупился, дверь закрой!

Обычно мужчины выполняют мои команды. Но этого придется дрессировать, ибо он просто заходит внутрь, сужая пространство вдвое.

Я носом невольно втягиваю запах солнца, мускуса и елового шампуня. Господи. Никогда такого дичайшего сочетания ни знала. Меня кроет. Хочется не просто дышать рядом с ним, а задышаться.

Он собирается меня изнасиловать, судя по агрессивному настрою, а я, кажется, буду не сильно сопротивляться.

Невольно бросаю взгляд на плоский живот, который даже через футболку кажется каменным.

– Даниленко Виктория Владимировна?

Я даже взгляд поднимаю.

Грубый, с хрипотцой голос буквально по венам негой растекается.

Хочется сползти по раковине, поджать ноги и попросить сказать что-то еще. Ладно, пусть молчит, только не уходит.

– А кто спрашивает? – выдаю еле дыша. Он вряд ли поймет мои реакции на свое тело. Максимум, что увидит: легчайшую заинтересованность. Где-то читала, что женщина, даже никак не реагируя на мужчину, может за пару секунд понять, что готова с ним лечь. Так вот это про меня.

– Вы Виктория?

– Вы ошиблись, – говорю медленно, а он только сильнее своим безразличием подавляет. Смотрит, как на насекомое. Блин, это даже интересно. Обычно на меня смотрят, слюной захлебываясь, а тут похоже нарисовался оловянный... Нет, не хочу, чтобы он был солдатиком. Только не это.

– Ошиблись Вы, Виктория, когда решили сбежать. Отец вас ждет дома.

У-у-у. Ну что за непраха. А я ведь почти его осчастливила.

– Аа, так ты очередная шавка отца? Он еще никого не присылал, а тебя прислал. Сильно проштрафился?

Чувствую дичайшее разочарование, наверное, потому что подумала, что впервые встретила мужчину, который способен на меня надавить, а в итоге очередной солдат, готовый за похвалу генерала и мать родную продать.

Он сжимает челюсти сильнее, осматривая меня с ног до головы. Стесняться мне нечего, стыдиться тоже. Пусть потом парням рассказывает, что видел самое прекрасное видение, и даже прочит на меня, если хочет.

– Мне нужно доказательство, что вы действительно от отца. А то откуда я знаю, может вы просто похитить меня хотите, замуж взять.

Он вдруг растягивает уголки губ, но в такой мерзкой улыбке, словно я полную чушь сморозила. Достает свой допотопный телефон, кнопочный, господи, и нажимает кнопку вызова.

– Генерал, тут ваша дочь желает удостовериться.

Я вздыхаю и беру трубку, и, конечно, слышу ор как с гор. Даже слушать не хочу, просто отключаюсь. Все равно ничего нового.

– Ладно, убедили, отдохните пока, – возвращаю телефон. – Завтра поедем.

– Сейчас, у меня нет времени с вами возиться, – он тянет руку, а я шлепаю его по ней.

– Руки свои не тяни! Разве папа не сказал, что со мной надо быть осторожным? Я приму душ, и мы поедем, солдатик, – и ведь могла сразу догадаться. Судя по загару, недавно со службы с каких-нибудь теплых стран, где убийство уже как норма жизни, а мир лишь снится.

Жду, что он применит силу или может быть дернет меня за волосы, как в самых лучших эротических книжках, которые мы тайком читали с Надей, растаскивая полку ее мамы.

Но нет.

Он просто сложил руки, делая визуально бицепсы еще крупнее, и стал ждать. Разве что дверь закрыл. Спасибо и на этом.

Господи, какая скука. Я ведь долго люблю мыться, а в этот раз мылась, наверное, минут тридцать, периодически выглядывая то ножкой, то ручкой, то улыбаясь, задавая все время один и тот же вопрос.

– Ждать не устали?

Он молчит. Молчит и смотрит в сторону, словно я ему не интересна, но я ведь знаю, что такого просто не может быть. Даже Артур, делающий вид, что я не существую, пару раз подкатывал в десятом классе на дискотеке.

– Полотенце подайте... – тяну руку и тут же получаю то, что прошу. Даже забавна эта его покладистость. Она кажется несколько наигранной, словно он затаившийся перед нападением зверь. Хищник лениво играющий в теньке, но готовый в любой момент разорвать добычу. Боже, Вика, что за странные сравнения. Уж не хочешь ли ты стать разорванной добычей? И лучше не думать об ответе на этот вопрос.

Интересно, как он поведет себя, если я прямо сейчас начну удовлетворять своё спящее либидо.

Эта мысль снова вызывает приступ веселья, и я с улыбкой, свеженькая, чистенькая выхожу из душа.

– Какой же Вы все-таки милый... как вас? – жду имя, но он молчит, продолжая упорно смотреть в сторону. Ну ладно. Посмотрим. Я просто скидываю полотенце и еще минут десять сушу волосы, взбивая их в шикарную пену. Даже смотреть на себя больно, до чего хороша. И он это знает, а иначе почему пялится в стеклянную поверхность, в которой видно мое отражение. Или почему стал иногда переминаясь с ноги на ногу.

– Мне надеть нечего. Сходите за одеждой в комнату. Она прямо по коридору. Там моя сумка, телефон, ключи от дома.

Я сначала даже не замечаю ничего, а потом резкое движение, как бросок змеи, и я ахаю, когда вижу его рядом с собой. Я ему по плечо, вот черт. Он просто стягивает свою футболку через голову, являя мне просто слюновыделительное тело, и грубо напяливает ее на меня.

– Эй! – кричу, пытаюсь высвободиться, но с таким не поспоришь. И вот я уже в его футболке, которая мне до самых колен.

– Так тебе сказали вести себя со мной! Я же и отцу пожаловаться могу. Как ты будешь жить без своей службы?

Он вдруг наклоняется и шепчет мне в самое ухо, да еще так, что мороз по телу мгновенно плавится, превращая меня в растаявшее мороженое.

– Насчет тебя, – как мы резко на «ты» перешли, – было дано лишь одно указание – доставить тебя домой.

Он совсем рядом, близко, а у меня иррациональное желание ощутить эти полные, сухие губы на своих. Как он целуется? Так же слюняво, как Камиль? Или иначе?

С этим он вдруг поворачивает меня к себе. Резко, порывисто, смотрит пристально, и я теряюсь во тьме его глаз. Жду его действий, но он просто застывает каменным изваянием, разглядывая в ответ меня, словно видит впервые.

Ну признайся, бугай, что никогда не видел девушки прекраснее.

Ладно, дам тебе шанс. Первый и последний.

Сама тянусь за поцелуем, почти касаюсь тесно сжатых губ. Но лишь вскрикиваю, глотая воздух, когда он варварски закидывает меня на плечо и выносит из ванной.

Более того, он несет меня через весь холл, а я пытаюсь натянуть на задницу футболку и поймать взгляды друзей.

Они, если и в шоке, то вида не подают.

Камиль уже всю целуется с той кралей, и я мысленно показываю ему фак. А если бы меня сейчас похищали, что, в принципе, и происходит. Черт, это меня сейчас отцу доставят, потом в вуз МВД, потом скучнейшее лето в нашем доме, откуда мне даже выходить нельзя. Ненавижу все это дерьмо. Ненавижу.

– Может вы уже поставите меня, я могу идти сама!

Он не слушает, просто сваливает меня в какой-то ужасно пыльный, грязный джип и хлопает дверью, пресекая все мои возмущения. Я пытаюсь толкать дверь, но он просто закрывает ее и уходит.

Охренеть! Урод! Я тебе отомщу. Скажу папе, что он приставал ко мне и пусть потом оправдывается. И ведь правда приставал, пусть только на ментальном уровне, но до такой степени, что между ног до сих пор влажно, хотя вроде хорошо вытерлась. Блин, что за фигня. Я вообще ненавижу солдат в любом их виде. Высокие, красивые. У меня до сих пор триггер, когда я думаю о военном городке, об этих улыбках и конфетках, которые должны были расположить к ним моего отца. Словно хоть что-то может его расположить к людям. Порой кажется, он их всех ненавидит. И фраза из фильма «Девятая рота»: «Вы все говно», не далека от истины. Я не раз слышала, как он поливал грязью простых ребят, а потом слышала, как они в отместку поливали грязью его. И грабили. Столько раз, что не сосчитать. Мстили или считали это смешным, не знаю.

И этот такой же. Тоже ненавидит отца и задание, которое он ему задал. Но это все не мешает мне схватить футболку за ворот и зарыться туда лицом, буквально пропитываясь запахом чужака. Даже имени его не зная.

Глава 3

Парни, мужчины. Их было вокруг меня столько, что, кажется, я стала воспринимать их как насекомых, с которыми смиряешься, если идешь собирать грибы. Да-да, и такой фигней заставлял заниматься меня отец.

А может все дело в лизоблюдстве, которое я видела по отношению к моему отцу из года в год.

Появился бы человек, который дал бы отпор моему отцу генералу, черт, я бы, наверное, сразу ему отдалась.

И почему я подумала, что «Кхал» на это способен, потому что он первый из всех комаров, которого я пустила к своей коже добровольно?

Я раньше верила, что Камиль может стать тем самым. Но у него терки со своим предком и ему порой просто не до меня. Он вечно повторяет одну и ту же фразу, дурацкую до тошноты: «А чем ты недовольна. Где бы ты не училась, учиться не будешь, а просто тусить».

Никто почему-то не задумывается, что я не хочу тусить. Я хочу быть не дочкой генерала Даниленко, а просто Викой Даниленко.

Правда, чем именно заниматься хочу, тоже не знаю.

Как же это все сложно.

Отпускаю футболку, опуская пальцы на обнаженные бедра, и замечаю тень. Дверь машины открывается. На переднее сидение садится бугай, отчего машина чуть просаживается.

Сколько же он весит?

Ко мне летит мой рюкзак, и я удивленно вскидываю брови.

Сходил же, не поленился.

Я невольно смотрю на дом, где веселье в самом разгаре, где никого особо не волнует, что меня могут похитить или убить. А нет, Никитос звонит.

Неужели у меня есть один настоящий друг. Отвечаю, пока мой персональный провожатый закуривает и трогается с места.

– Да, Ник?

– Вика! – орет он в трубку. Вроде же пьяный был, а голос-то трезвый. – Ты где? Я тебя ищу везде!

– Да ладно, – бросаю взгляд в зеркало заднего вида, а бугай скорость набирает. – А что такое?

– Да, блять! Быстро к бассейну, тут парню плохо!

– А я тут при чем!

– А у нас только ты проходила курсы эти, как его...

– Медицинской подготовки, – отец заставил. До сих пор тошно от всех этих подробностей.

– Вика, не тупи! Он умирает! Нам потом отцы головы открутят!

– Ой не лечи мне, ты просто за свою карьеру волнуешься. Ладно, не гундось, сейчас приеду, – и уже в сторону своего вынужденного попутчика. – Разворачивайся.

– Нет.

Что? Что?

Я даже задохнулась от возмущения. В смысле!

– Ты не слышал, там плохо кому-то!

– Заводишь в друзьях золотых ублюдков – готовься к последствиям.

Серьезно?! Последствия!?

– Останови машину, гандон! – визжу я, ему хоть бы что. Ну ладно. Я просто врезаюсь ногтями ему в обнаженные тугие плечи и кусаю за ухо.

– Отпусти, ебанутая! Разобьемся же!

– Разверни машину! Иначе я тебе яйца отгрызу, или ты забыл, кто мой отец?! Разворачивайся! – не знаю, просто спасти я хочу того парня, или просто дело принципа – мужика этого каменного одолеть.

Он орет матом, пока я обещаю все кары небесные, включая оторвать его Фаберже.

Но разворачивается так резко, что машину кренит в сторону, а я наконец отпускаю его, довольная как никогда.

Один-один, солдат.

Мы прилетаем до дома за пару минут, и я тут же вываливаюсь на улицу и бегу во двор дома.

– Вика! – даже глазами не ищу Никиту, на голос бегу.

Толкаю пьяные тела, которые даже не поняли, что произошло. Парень лежал без движения. Синюшный, а Камиль зачем-то долбил по его груди. А его подружка зачем-то нос ему затыкает. Ну что за дебилы.

– Отойди! – толкаю я уже бывшего и вижу мокрые волосы. Утопленник? Тогда почему зеленый весь? Ну ладно. Думать потом буду. Пытаюсь его перевернуть, но не выходит.

– Да помогите кто-нибудь!

– А что делать-то?

Да боже!

Тут мне становится почти не тяжело, чужак сам поднимает утопленника, перебрасывает животом через свое колени, а я надавливаю на язык, вызывая рвотный рефлекс. Парня тут же обильно рвет водой, он закашливается, но уже встает на четвереньки. А потом вдруг ржать начинает.

– Забористая хрень, Никитос, можно еще?

Я поднимаю взгляд на Самсонова, а он взгляд отводит. Ну понятно, чего он так переживал. Надеюсь, этому мальчику есть хоть восемнадцать.

– Ну че ты встал! Скорую быстрее, – господи, какой голос, спокойный, жесткий как натянутая струна. Он вибрацией пронизывает все нервы тела, до самых кончиков пальцев. Я часто моргаю, чтобы сбить дурацкое желание коснуться его твердой кожи именно сейчас. А как он действовал. Только не понятно, почему не хотел ехать со мной сразу. На лице до сих пор следы нашей борьбы.

– Если ты закончила играть в медсестру, может быть, поедем?

И тут опомнилась Надя. Подошел Камиль.

– Вик, ты куда?

– Что за монстр и что за футболка?

Черт, мой монстр все ещё полуобнажен, и уже пара девиц всю на него пялятся, да даже Надя хмуро на него поглядывает. Всегда так делает, когда заинтересована чем-то запретным. Никита возвращается.

– Скорую вызвал, будут.

Кхал подходит ко мне до неприличия близко, и я понимаю, что ещё раз позориться не хочу.

– Это подчиненный моего отца, он как обычно не может без меня и дня. Так что дальше сами развлекайтесь, – смотрю на Никиту. – Только не убейте никого больше.

Я лицемерка, конечно. Я и сама пробовала. Но делала это одна и дома, чтобы точно никуда не влипнуть и не под кого случайно не лечь. Отец заставил вызубрить все последствия употребления запрещённых веществ. Но помогло то, как я билась в истерике и звала отца. Словно он единственный, кто любит меня, словно самый дорогой человек, и в кумаре он обнимал меня. Только вот очнулась я тогда на больничной койке и поняла, что никакой ласки не было. Отец просто сбегнул меня с глаз долой, чтобы не избить в раздражении.

Я через минуту снова оказываюсь в машине, пихаю в рюкзак телефон, но вдруг он просто исчезает из моих рук. Смотрю в шоке, как мужик забирает мой рюкзак, кидая его на переднее сидение.

– Это вообще-то мое! Отдай! – тяну руку, но меня вдруг припечатывает к спинке, а я задыхаюсь, потому что огромная ладонь мужика буквально перекрывает кислород, вдавливая мою грудь, касаясь предательски ноющих сосков. Ну что за фигня? – Отдай мой рюкзак.

Чтобы там не кричало мое тело, мозг еще со мной – верный товарищ.

– Отдай!

– Чтобы через полчаса мы рванули спасать очередного нарика?

– Они люди! Имеют право на выбор! А если кто-то умрет!?

– Одним уродом меньше. Они сами проебывают свою жизнь, сами делают свой выбор. Вместо того, чтобы жить по-человечески, они гробят себя на этих ваших вакханалиях.

– А что плохого в том, чтобы повеселиться? Лучше всю жизнь чужие приказы выполнять и убивать того, на кого покажут, не важно, что это однажды окажется твоя мать или жена! Каждый имеет право на спасение.

– Каждый?

– Да! Даже такой мудака, как ты!

Он резко замирает, смотрит, где находится его рука, и отдергивает, словно обжегся. Что, торкают красивые сиськи?

Он вдруг залезает в телефон, а я через плечо смотрю в его экран. Он ищет, что означает слово мудака. И, кажется, обижается. Хотя вряд ли.

Такие мужики, если обижаются, то сразу за пистолет хватаются.

Так что просто кидает свой телефон на панель и нажимает на газ.

А я залипаю над тем, как руки держат оплётку руля, как сильные пальцы чуть сжимаются. Эх... И почему мне кажется, что это моя шея. И почему меня это не пугает? Бляя, уже никакой порнухи не надо... Не мужик, а ходячий тестостерон, но я вряд ли когда-то вернусь в это место и тем более увижу его. Через полчаса мы сядем в самолёт, и он сплавит меня отцу, и я больше никому не буду нужна. И где-то на закромах моего самодовольного сознания начинает зреть зерно мысли, что если лишаться девственности, то не с Камилем, которому, собственно, все равно, с кем и свое удовольствие для него ценнее. А с таким вот солдатом, который ценит любой момент своей жизни.

Мы едем так долго, что у меня начинает сводить глаза от деревьев, которые машут нам ветками. И хоть бы музыку включил, но нет. Все мои просьбы он просто игнорит.

А я не могу в тишине.

Я не люблю тишину.

Она угнетает и сводит с ума.

Пока мама была с нами, в нашей тогда еще съемной квартире всегда было шумно. Радость буквально сочилась из стен нашего дома. Постоянно гостили родственники, друзья.

У нее была огромная татарская семья, которая проводила с нами почти каждый день. Дни рождения, да и любые праздники были веселыми и разнообразными. Я обожала татарскую еду, татарских людей, их культуру, их одежду. И пусть мне тогда было совсем мало лет, я все помню. И папа все это обожал. У него даже сейчас лучший друг татарин Садыров, отец Камилля. Но сейчас не то. Сейчас он угрюмый и нелюдимый. А раньше был счастливым, много смеялся, много танцевал, любил маму до безумия.

Но с него требовали, чтобы он обеспечил свою семью, чтобы зарабатывал больше денег, чтобы прокормить эти счастливые ежедневные праздники.

Тогда папа согласился на переезд, который сулил хорошие перспективы в его военной профессии. Еще учиться заочно умудрялся. Потом папа согласился на еще один переезд.

И еще.

Только мама заводила друзей, находила бесконечных родственников, как следовал новый переезд.

Мама, Амина, любила папу – я знаю. Она следовала за ним куда угодно, но медленно умирала. Даже общение со мной стало в тягость. В нашем доме начался другой шум. Скандальный. Родители ссорились всегда, когда папа приходил с работы. Мама требовала вернуться обратно, мама требовала внимания, хотела видеть своих родителей, братьев и сестер, мама требовала друзей, а отец хотел делать карьеру, буквально носом рыл, чтобы у нас было все.

И все было.

Нам выдавали квартиру в каждом городе, где бы мы ни жили, уж не знаю, как это удавалось отцу.

У меня всегда была своя комната, свои игрушки, а потом случался новый переезд.

За десять лет моей жизни я сменила как минимум городов тридцать. Куда уж тут до друзей и родственников. Мы еле успевали распаковывать вещи и оформлять документы.

Но папе стало мало, он словно вошел во вкус.

Для него это было игрой, за которой он совершенно забыл о своих девчонках. И если я еще любила его и ждала, то мама сдалась. В какой-то момент она даже скандалить перестала, и я окунулась в тишину.

Именно в тот период мы снова переехали. В город, где в тот момент шли военные действия. Это я сейчас понимаю, что работа в таких местах для военного короткий путь к вершине, особенно успешная. А тогда не понимала. И мама не понимала. Она была красивая, легкая на подъем, любящая красиво одеваться, вкусно кушать и веселиться, а тут ее фактически заперли. Еду доставляли, из дома мы почти не выходили, общаясь с внешним миром только через отца. Он обещал, что скоро все закончится, что это... последний раз.

Я поверила, а мама даже не улыбнулась.

Мы провели там почти год, в относительной безопасности, несмотря ни на что. Но уже знали, что тишина – предвестник бури.

Так вышло и в тот день. После очередной череды волнений в городе мама решила, что хватит. Что мы с ней уезжаем. Я умоляла ее дождаться отца, я умоляла ее не бросать его здесь одного, но она кричала, что больше так не может.

Отец встретил нас на пороге, увидел мой растерянный взгляд, чемоданы и сказал, что сейчас в городе небезопасно, и никуда нас не отпустит.

Я даже выдохнула. Спокойно легла спать, умиротворенная звуками родительского скандала, а потом наступило утро...

И оглушительная тишина почти свела с ума. Мама все-таки ушла. Бросила и меня, и отца, не выдержала заточения, даже письма мне не оставила.

А потом мы узнали, что ее не стало.

Она не смогла выбраться из города. Потому что, когда узнали, чья она жена...

Надо ли говорить, что родственники с моим отцом больше не общались, а про меня словно все забыли...

– Да включи ты хоть музыку! – не выдерживаю я собственных воспоминаний, кричу этому придурку. – Я не могу слушать тишину!

Но чужак не реагирует. Долбаный камень. И сколько можно терпеть этот игнор? Гипнотизирую его плечи, стальные, судя по виду. Рельефные и широкие. Там все еще следы моих ногтей. Жаль, не кровавые. А то я бы могла их обработать, а может быть даже вылизать.

Сглатываю, черт...

Интересно, он хоть чувствует, что я уже несколько минут не только буравлю его коротко стриженный затылок, но еще и думаю о нем в самом неприличном ключе.

О том, как он мог бы остановить машину, вытащить меня наружу, положить на капот, встать между ног, где уже так влажно, что впору строить ковчег, стянуть свою же футболку,

оставляя меня обнаженной для себя. Мы бы стояли друг напротив друга. Идеальные физически и такие разные внутри. Его твердость и моя нежность. Он бы поцеловал меня, лишил бы меня девственности, сделал бы своей раз и навсегда. Показал бы, какими бывают голодные солдаты. И пусть меньше всего я бы хотела переспать с одним из них. Но, похоже, для него я бы могла сделать исключение.

Если, конечно, этот придурок соизволит понять, что я не просто мешок, требующий доставки, а еще и женщина. Наверняка самая красивая в его жизни...

Ну, нет, это уже не серьезно!

Я, по его мнению, кто? Растение? Вода, текущая мимо? Ну ничего, все знают, что вода камень точит. Так что и я этот булыжник превращу в гладкий овал.

Сделать можно много. Снова начать истерику, выкинуться из машины, начать душить его, укусить, ощутив вкус его кожи. Из-за этого во рту даже дурацкая слюна скопилась, словно я не в машине с врагом, а на дурацкой заправке, где продают мои любимые «френч доги», с крупной говяжьей сосиской, поджаристой, хрустящей булочкой и горчицей, которая добавляет вкусу остроты.

Дико вредная вещь для фигуры, но никогда не могу себе отказать.

Вот и этот придурок такой же. Мне бы мимо пройти, не думать, не смотреть, а меня тянет к нему так, что желудок сводит. Хочется сожрать его целиком и уже посмотреть, такого же размера его сосиска.

Перелезаю на пассажирское кресло, не особо думая о последствиях.

Но делаю это так медленно и таким образом, чтобы мой обнаженный зад обязательно задел небритую рожу. Не удивлюсь, если завтра на нежной коже моей попки будут шрамы.

Он даже не дернулся, не прокомментировал мой поступок. Но гораздо показательнее то, как он втянул воздух. Словно дыхание задержал, как мой любимый вампир в известной саге. Что, запах не понравился? Или понравился?

Не удивлюсь, если он толкнет меня, но нет.

В руль вцепился и держит.

Усаживаюсь удобнее, скрестив ноги. Скромно, по возможности натягиваю футболку, с удовлетворением замечая, что он бросил взгляд на мои тонкие колени. Я горжусь ими. Глупо, но факт, мои ноги – моя гордость. Пробежки, депиляция, пилинги, массажи, я делаю все, чтобы мое тело было идеальным. Наверное, потому что в голове полный хаос.

Немного понаблюдав за тем, как его отпускает, нажимаю наконец на кнопку старенькой магнитолы.

Жалко флэшки никакой нет, тогда я бы послушала, какую он любит музыку. Это обычно много говорит о человеке. Вряд ли он из тех, кто слушает мою любимую попсу или реп. Скорее всего, что-то тяжелое и бесячее, где слов и музыки не разобрать за басами и криками. Но сейчас даже эта сатанинская музыка подошла бы. Лишь бы заглушить боль прошлого и трепет настоящего. Дура, нашла, на кого глаз положить. Шестерка солдафон. Ничего выдающегося, кроме, пожалуй, дикой мужской энергии, которая буквально затягивает тебя, как в черную дыру. И знаешь ведь, что нет там ничего, не ждет ничего хорошего, а все равно примагничиваешься, как дурацкое небесное тело.

Пальцы дрожат, но я стараюсь вести себя столь же безразлично, как и он.

Снова и снова тыкаю на кнопку поиска радиоволны.

А так как мы далеко от города, а вокруг только лес, то шипение становится единственным, дико раздражающим звуком между мной и моим провожатым.

Меня он устраивает, а вот чужак не выдерживает.

– Не надоело?!

– Не-а, – растягиваю гласные, продолжая щелкать радио. Еще через три минуты он просто отбрасывает мою руку, тянется к бардачку, задевая своей рукой мое колено.

Че-ерт!

Сжимаю бедра. Чувствую до последнего волоска на его коже это обжигающее касание. Все то время, пока он роется в бардачке.

Даже не думала, что простое прикосновение может вызывать столько эмоций. Столько ощущений. До того, чтобы сдерживаться и не умолять придурка потушить пожар между ног. Виновником которого он и стал. Который создал простым касанием. До дрожи просто. Сколько можно! Закусываю губы, чтобы просто не застонать.

И выдыхаю, когда контакт обрывается.

Чужак наконец вытаскивает руку, и я вижу диск, который зажимают его пальцы.

Я, наверное, даже рот открываю от удивления. Хотя, чего это я. Камиль тоже тащится по Арбениной и Земфире.

Я прикажу им крепко спать и быть готовыми к войне,
Я прикажу им доказать, что истина в вине,
Я прикажу им сшить шинели и надраить сапоги,
Я прикажу их накормить с ладони маминой руки¹.

Я бросаю взгляд на греческий профиль. Он смотрит вперед, и у меня есть возможность им полюбоваться. Наверное, он был в самом пекле. Но смог не только сохранить обе ноги, но и относительный разум. Когда я последний раз сталкивалась с этими ужасами, была совсем маленькой, но до сих пор остро воспринимаю любые резкие хлопки и взрывы. У меня было много лет, чтобы забыть о войне. А как у него с этим. Как справляется? Вспоминает? Или абстрагировался. Столько вопросов и самое тупое, что я не могу задать ни одного. Еще подумает, что нравится мне.

Надоела эта песня. Лучше о любви. Так что нажимаю кнопку переключения и отворачиваюсь к окну, слушая следующий трек.

Полюбила тебя,
Это смерть – ты цыган,
Свою душу полям
Подарил навсегда.
Выжгу всех, кто ко мне приходил,
Кто трогал меня.
Когда мы целуемся, стонут моря.
Я тебя ревную,
К воздуху ревную,
Да всё зря:
Под цыганом от тоски горит земля.²

Пусть не цыган, но этот чужак точно не тот, в кого стоит влюбляться. И даже думать об этом. Наверное, с такими мужчинами можно провести ночь, но встречаться лучше с такими как Камиль, которые, нагулявшись, становятся добрыми домашними котами.

¹ Песня группы «Ночные снайперы» Солдаты.

² Песня группы «Ночные снайперы» Цыган.

Глава 4

– Ты, может, скажешь, как тебя зовут? – зачем мне это? Чтобы знать, о ком думать, пока мы едем и молчим?

– Зачем? – бросает взгляд на магнитола, а я выключаю музыку. Я устала молчать и думать. Хочу говорить.

– Потому что мы проведем рядом еще некоторое время, потому что мы, в конце концов, попутчики, хоть и вынужденные. И согласишься, немного нечестно, что ты мое имя знаешь.

– Жизнь вообще несправедлива, – и это все, что ты скажешь?

– Придурок, – отворачиваюсь я, продолжаю смотреть уже несколько надоевший пейзаж за окном. Мы довольно долго едем. – Мы в аэропорт?

– Да.

И опять так просто. А подумать о том, что мне нужно переодеться, он не мог?

– Мне нужна одежда. Или ты забыл, что выдернул меня в одной футболке?

– Ты вроде и голой готова была пойти. Для тебя ничего не стоит своей пилоткой сверкнуть.

Значит, заметил?

Жду продолжения, но он снова замолкает.

– Для меня может и ничего не стоит, но мне все равно нужна одежда.

– Бутиков здесь нет.

– Мне подойдет и гипермаркет. Шорты и футболку я могу купить где угодно. А может отец, кроме прочего, сказал меня унижить?

– Унижаешь ты себя сама.

Да что ты? Какие мы правильные. Уверена, что уже вечером он будет унижать себя мыслями обо мне и моем белье.

– Много ты знаешь, – хмыкаю и руки на груди складываю.

– Достаточно для того, чтобы избавиться от тебя как можно скорее.

Ох, какие мы нежные. А может это бравада, потому что он еле себя сдерживает?

– А что, – поворачиваю лицо и смотрю на жесткие линии его лица, как из бумаги вырезанные, особенно в закатном солнце, – боишься, что нарушишь запрет отца и влюбишься в меня?

– Не боюсь, – он даже не реагирует, а через паузу говорит с усмешкой. – Было бы в кого влюбляться. Не люблю собирать чужие объедки.

Меня как на кочке подкинуло. Что ты сказал?!

Ненависть и злость взметнулись вихрем в груди. Отношение того, кто, как минимум ниже меня по социальному статусу, просто выбесило. И я с ревом нацелилась вцепиться в его рожу.

Но он словно знал о том, что я собираюсь сделать. Остановил мой резкий выпад рукой, сжав до боли горло. Да так, что дышать стало нечем. Адреналин захлестнул с головой. Ехать на скорости сто сорок и смотреть в его глаза оказалось похлеще любого алкоголя. Еще немного и я готова его поцеловать. Его губы так близко, что у меня собственные от желания горят. Ну давай же. Прямо сейчас. Но он все портит.

– Никогда не нападай, если не готова к драке.

– Да пошёл ты, – царапаю его руку, оставляя там кровавые борозды от крови.

Он отпускает меня, почти вбивая в дверцу машины. Больно, но комок в горле больнее.

Я тут же гордо лезу на заднее сидение, сворачиваюсь клубочком и утыкаюсь носом в спинку.

Объедки.

А если бы он знал, что у меня никого не было, как бы отреагировал?

Начал бы относиться по-другому? Но я ему такого подарка не дам. Или нет... Лучше подарю, чем сделаю еще хуже. Он не просто влюбится в меня. Он полюбит меня так, что сдохнуть захочет. А когда влюбится, когда придет забрать меня у отца, я его просто выкину как шавку, которой он и является.

План мне нравится.

Давно у меня не было цели. Теперь и дышать как-то легче. Я утираю слезы. Снова сажусь рядом с ним, не забыв в очередной раз задеть задницей колючее лицо. Затем включаю обратно диск Арбениной и уже подпеваю песню.

Кошка хочет курить,
у кошки намокли уши,
кошка хочет скулить,
ей как и собаке хоть кто-то да нужен.
над кошкой плывут облака московские,
звезды щекочат лапы,
хотя бы немного молока и можно быть сильной,
но нужно быть слабой.³

– Про супермаркет не забудь... Пожалуйста.

Он хмурится, но кивает. И действительно, через пол часа моего ора под Арбенину, который он, кстати, даже не остановил, тормозит возле крупного областного гипермаркета. Я уже собираюсь выходить, как вдруг чувствую захват. Чужак дергает меня к себе, почти нос к носу.

– Если мне придется за тобой бегать или искать, то домой полетишь не на самолёте, а поедешь в багажнике. Все две тысячи километров. Поняла меня, кошка?

– Доходчиво, – усмехаюсь, пытаюсь ощутить боль от того, как он сжал мне руку, но чувствую только приятные мурашки от того, что он ко мне прикоснулся. – К тому же, я не собиралась убежать от того, кто станет первым мужчиной в моей жизни.

Улыбаюсь я и поднимаю свободную руку, чтобы коснуться его лица. Интересно, какой он там за этой густой щетиной?

Он дергается назад и сильно хмурится, но вопросов не задаёт.

А я ослепительно улыбаюсь и выхожу из машины.

Два-два, солдат.

* * *

Мы заходим в магазин, и я сразу иду штурмовать отдел одежды. Ну тут, конечно, полный треш. Нет ничего достойного моей красивой задницы, и такого, чтобы этот бесчувственный пал жертвой моих чар.

– Долго еще? – слышится за спиной, и я вздрагиваю. Черт, какой у него все-таки голос, просто агас. Поворачиваюсь с улыбкой и пихаю ему свой рюкзак.

– Столько, сколько нужно.

Начинаю набирать одежду в руки. Шорты, бриджи, футболки, маечки, шлепанцы. Я ведь до сих пор босиком. Иду в примерочную и смотрю на своего провожатого через спину. Он как обычно не проницаем. Но, что интересно, почти на меня не смотрит.

Закрываюсь в примерочной и кидаю его футболку через верх. Прекрасно знаю, что словит. По нему видно, что с реакцией все нормально. Затем начинаю мерить одежду, ткань которой меня очень не устраивает. Но этот придурок прав, в бутик он меня не повезет.

³ Песня группы «Ночные снайперы» Кошка.

– Ты хоть бы имя свое сказал, а то я уже устала в своей голове тебе эпитеты придумывать.
– Мне тебе посочувствовать? – отвечает он вопросом, что дико злит, но я все равно улыбаюсь, когда отодвигаю шторку и предстаю перед ним в кроваво-красном топики и таких же шортах в обlipку.

– Нет, конечно. Что скажешь?

– Скажу, что кто-то не посмотрел размер.

– А, по-моему, сидит идеально.

Он подходит вплотную и берет бирку, на которой указан подростковый размер.

– Ну и что. Я почти подросток. Вообще-то только школу закончила.

– А ведешь себя, как прожженная сука. Но кто я такой, чтобы судить тебя, верно?

Мне нужно быть милой, милой и доброй. Но не получается. Я просто снимаю с себя все это и кидаю ему в лицо.

– Повесь на место, раз такой правильный.

Вижу, что рядом рот открывает мужичок, но его тут же уводит возмущенная жена с выводком. И почему у них вечно такой вид, словно дети – единственное в жизни счастье. Хотя, судя по мешкам под глазами...

Закрываю шторку и надеваю свободные шорты цвета хаки, шлепанцы и свободную футболку. Но тут через верх мне летит комплект нижнего белья.

– Белье надень.

– Волнуешься за мою честь или ревнуешь, – выглядываю, снова стягивая с себя футболку.

– Чтобы ревновать человека, меня должна заботить хоть сколько-то его судьба. А твоя волнует меня ровно настолько, чтобы вернуть тебя отцу живой.

– И девственной?

– Сомневаюсь, что это про тебя.

– А проверить не хочешь?

– Нет желания. Если мне будет нужен секс, я найду его без помощи охеревшей малолетки.

– Малолетки. А самому-то тебе сколько лет?

– Ты задаешь слишком много вопросов. Давай живее одевайся или...

– О, новые угрозы. А папа разрешил со мной так обращаться?

– Ты сама разрешила. Более того, – он подходит так близко, что я вижу шикарные ресницы, которым можно позавидовать. Черт, как же он крут в этой своей бесчувственности и безэмоциональности. Как же хочется увидеть его в гневе, вывести из себя. – Ты даже разрешила себя поиметь... Жаль мне это не интересно.

– Нет? А может ты этот... Заднеприводный? Иначе как объяснить, что ты можешь не хотеть заняться сексом с такой, как я?

– Ну почему же. Ты красивая картинка. Только вот я не привык жевать картон.

Я не смогла себя контролировать. Рука взметнулась против воли. И мне ничего не осталось, как только смотреть, как по его лицу растекается красное пятно. Он даже не дернулся. А у меня рука теперь болит так, словно я по скале долбанула. Дура, куда вот лезу. Такой сожрет и даже не подавится. Но я, как чертова бабочка, лечу к этой электрической лампе, потому что, блин, хочу быть сожранной именно им. Дура душой. Но когда еще выпадет в моей жизни шанс встретить такого вот Халка.

Он не отвечает на мой удар. Просто отходит.

– Когда начинаешь размахивать руками, помни, что тебе может прилететь в ответ. Одевайся, через минуту выходим.

Так и хочется ему язык показать. Но я говорю вместо этого.

– Не смей судить кого-то, пока не прошел его путь.

Закрываю шторку и переодеваюсь. Надеваю-таки белье, ту же футболку и шорты. Под шторку мне заезжают кеды, кстати, нужного размера. Дико безвкусные, но я все равно их обу-

ваю. Смотрю на себя и почему-то смеяться тянет. Ну забавно же. Словно в поход собралась. Вышла и тут же словила свой рюкзак.

– Отлично, пошли.

Иду за ним как нашкодивший ребенок, честное слово.

– Одежду нужно сначала пробить, потом надевать, – тормозит нас кассир. Рыхлая, уставшая женщина. Ну, конечно, у них правила. Или ей просто захотелось показать свою власть.

Мой воспитатель молчит, а потом вдруг наклоняется и лезет в карман своих широких штанов хаки. И вдруг в его руке мелькает лезвие. Глаза кассирши расширяются, она, как рыба, открывает и закрывает рот. А потом вдруг это лезвие тянется ко мне. Он просто срезает с моей одежды бирки, не забыв залезть под футболку. Черт, это все просто не передать словами. Его запах, его кожа, серебристое лезвие в руке. В голове сразу картинки из исторических романов, где варвары брали девственниц, приставив ножи к горлу и упиваясь их слезами.

Кассир больше ничего не говорит, а старенький охранник вообще в стороне держится. Через минуту, оплатив покупки, мы уже на улице. Идем к машине. А значит, скоро аэропорт. А значит, это последний день, когда я его вижу. И мне нужно срочно что-то придумать, чтобы этот день не закончился сегодня.

Давно у меня так не болела голова. От мыслей. От идей, которые я откидываю одну за другой, как будто выбираю платье на вечеринку. Начать истерить? Попроситься в туалет и убежать в лес? Сказать, что мне плохо и начать задыхаться? Раздеться до гола и начать себя удовлетворять?

Бред...

Обычно мне не нужно думать, как соблазнить мужика, оно как-то само. Хватало взмаха длинных ресниц, упавшей под парту ручки, и фантазия парней сама включалась. А тут мужик.

И с какой стороны к нему подступить, я не знаю. Словно пытаться на каменную статую забраться. Скользкую от дождя...

Начать можно, конечно, с самого дебильного и банального, а главное правдивого, а там как пойдет.

Глава 5

– Я есть хочу.

– В самолёте покормят, – ну конечно. Тебе, робот, вообще еда без надобности.

– Не все питаются страхом, который внушают, – вижу, что уголки его губ дрогнули. Черт. Никогда не думала, что захочу увидеть мужскую улыбку. – Мне нужна нормальная, здоровая еда.

Ему реально все равно?

– А если у меня произойдет заворот кишок?

– Чушь.

– Если так случится, тебе придется везти меня в больницу, а потом еще несколько дней провести со мной наедине, не говоря уже о том, что я скажу отцу, почему оказалась в такой ситуации.

Мой робот напрягает и без того квадратную челюсть. Кадык дергается, а костяшки пальцев на руле белеют. Неужели ему настолько необходимо от меня избавиться. Обидно, блин...

– Меня вырвало три раза, а ела я последний раз вчера, – добиваю. – И, кажется, меня снова тошнит. Тебе хочется отмывать свои штаны?

Нет, не сказать, что я прям совсем голодная. Но если он найдет придорожное кафе, если не станет оставлять меня одну, то есть шанс разговорить его. А всем известно, что люди за приемом пищи расслабляются. Я это по родителям знаю. За ужинами они всегда обсуждали самые посторонние вещи. Я любила слушать их монотонные разговоры.

Через еще минут десять на пути попадается-таки кафешка с тривиальным названием «Вкусно у дороги».

Я сразу вцепляюсь в сильную руку моего охранника и кричу, тыкая пальцем на зеленое здание слева.

– Вон! Вон! Смотри! Давай туда, ну давай, ну давай!

Он сбрасывает мое прикосновение как насекомое, но все-таки заворачивает туда под мой радостный визг.

Тормозит на парковке и поворачивается ко мне...

– А я все поняла. От тебя ни на шаг. Хочешь, могу и в туалет тебя пригласить? – подмигиваю, выпрыгивая из машины. Кафе ярко-зелёного цвета настолько, что глаз вырви. На парковке фургоны, пара седанов и старые замызганные «Жигули», сильно выбивающиеся из виду.

Народу в это время дико много. Дети, родители, беременные. Но мой взгляд цепляется за молодую компанию парней из четырех человек, у ног которых лежат спортивные сумки, а на столах пиво.

Вид у них такой, словно они что-то задумали.

Хотя больше похожи на наркоманов.

Мой провожатый тоже на них косится, но сразу идет к ленте самообслуживания. Набираю на поднос всего подряд. Взгляд то и дело проносится по компании. Они оглядываются. Явно нервничают. Переговариваются. В общем странные какие-то.

А от взгляда одного из них, лысого, на мои полуголые ноги мороз по коже.

Я даже жмусь к своему чужаку, как бы давая понять, что территория занята.

Он, кстати, тоже себе набирает поесть. Правда по большей части выпечки, которую я в жизни не съем. Там столько жира, ужас... Мы уже у кассы, расплачиваемся. Мой Халк заворачивает свои покупки в пакет, когда я начинаю ощущать, как искрит воздух в преддверии чего-то. Вокруг дико шумно, но у меня в ушах словно звон от внезапно наступившей тишины. Такое было во время войны, перед выстрелами.

В следующую секунду раздаётся оглушительный выстрел. Молодая пара. Пожилая женщина и мамочка с двумя детьми тут же кричат и падают под стол, а мы с чужаком замираем и поворачиваем только головы, смотря, как белобрысый парень с лезвием вместо взгляда стоит с автоматом Калашникова.

Мне не страшно. Я знаю, что у меня есть защита. Так что спокойно стою, не дергаюсь. Мой охранник тут же прячет меня за спину, но не дает сесть.

– Быстро! Все деньги из кассы. Кошельки на стол! И никто не пострадает! – орет он, а подельники начинают двигаться вдоль кафе и собирать все, что выкладывают редкие посетители. Девочка за кассой нервничает, я буквально кожей ее страх ощущаю. Она тянется вниз, явно к кнопке вызова полиции, но в ее сторону летит несколько пуль, и вывеска за ее спиной рушится почти на нее.

Она с криком убегает в сторону. А парень ловко перепрыгивает через стойку и начинает собирать наличность в сумку.

– Глупо, парень. Все равно ведь по камерам найдут, – слышу голос своего Халка, но парню как будто пофиг. Он пихает все в сумку, почти не слушая. – Найдут и посадят!

В этот момент дуло автомата целится прямо ему в лицо, и меня накрывает паника. Почему он ничего не делает. Почему просто стоит!

– Заткнись и стой ровно! Кошелек у него забираю, – дёргает головой белобрысый своему лысому подельнику, и тот начинает обыскивать стоящего без движения Халка, подмигивая мне. Дебил...

Я жмусь к напряженной спине, начиная бояться по-настоящему. Самые опасные преступники – это психи, которые чаще всего даже не знают, что собираются делать. И вот эти такие же. Да и лет им совсем не много. Мои ровесники.

Парень достает из кармана Халка бумажник, дергает у меня мою сумку. Но я не отдаю, вцепилась в нее, как во что-то действительно ценное. Почему мой Халк ничего не делает!

– Слушайся их, – следует тихий приказ...

Я отпускаю пальцы и вижу, как из сумки вылетает мой телефон, кошелек и паспорт. Черт.

– Слушай, – этот придурок плотоядно улыбается, осматривая мои ноги, более того, заглядывая в широкие шорты. Дебил. – Может эту заберем? У меня нормальной телки сто лет не было.

У такого, как ты, нормальной и не будет. Я бы обязательно это сказала, но помню приказ своего Халка. А на кого здесь еще рассчитывать? На мужика под столом, который прячется за жену?

Белобрысый шумно застегивает сумку, потом бросает взгляд на меня и пожимает плечами.

– Забирай.

Окееей... Тут же лысый вцепляется в мою лодыжку и ведет потной ладонью вверх. Меня начинает снова тошнить. Я беспомощно смотрю на своего Халка, но он продолжает стоять с непроницаемым лицом, смотреть на белобрысого. Лысый поднимается. Весь такой щуплый, но сильный. Стоит ему взяться за мои волосы, как я это понимаю. Я хочу дернуться в сторону, пытаюсь ударить парня, но к моему виску тут же прижимается дуло.

– Что, уже не такая смелая? – хохочет лысый утырок. – Да не бойся. Порезвимся и отпустим. Если сможешь идти, уйдешь.

Я снова бросаю взгляд на своего защитника, – ха-ха три раза. Может стоит сказать этим уродам, чья я дочь? Может это поможет? Хотя это же психи. Они и дочь президента захотят поиметь.

Странное ощущение. Страх с паникой парализуют. Я тут же начинаю ненавидеть и этого лысого, и белобрысого, и своего Халка, который все еще не двигается. Все еще стоит и смотрит, как меня уводят. Кричащую, упирающуюся. Уводят в неизвестность.

И только взгляд тяжелый предупреждает, чтобы подчинялась. Охеренно. Просто зашибись! Меня сейчас изнасилуют и убьют, а я не могу ничего сделать?!

Смешно даже. Недавно меня моя компания ровесников полностью устраивала, а теперь я среди гопников.

И эти тоже любят выпить, заняться сексом, принять чего-то тяжелого, но с ними мне страшно, потому что этим терять нечего, этим на все насрать.

Особенно на то, чья я там дочь.

Мы бегом добегаем до их синих «Жигулей», и меня пихают на заднее сидение.

Белобрысый закидывает две сумки в багажник, хлопая крышкой так сильно, что я замираю от страха. Они меня сейчас увезут, изнасилуют и убьют... Но нужно ведь подчиняться, нужно не двигаться...

Только вот когда рука лысого начинает трогать грудь, а второй лезет мне в шорты, я словно просыпаюсь. Слушаться? Да как бы не так.

Я лучше сдохну, чем дам себя изнасиловать!

Царапаюсь, кусаюсь, кричу. Вспоминаю все, чему меня учили на самообороне, слышу, как орет главарь:

– Да угомони эту дуру!

Меня бьют по щеке, но это только сильнее распаляет.

И вдруг его буквально выдергивают из машины. Одним резким ударом прикладывают об асфальт. Парни вылетают, оставляя меня одну, и я задыхаюсь. Сердце грохочет о ребра. Только страх очень быстро сменяется чем-то другим. Тягучим, напряженным, сладким. Наблюдаю. Мой Халк просто раскидывает парней по сторонам. Мышцы напряжены, ладони сжаты в кулаки, создавая на мускулистых руках сетки из темных вен. Он отбрасывает их как кегли... Одного за другим. Эти ржут, кажется, реально под кайфом, снова и снова, как шакалы прыгают на тигра, а он просто снова и снова отбивает слабые удары, которые, кажется, ему не наносят никакого вреда. В этот момент мне кажется он реально из камня. Вылепленный самой природой, самый опасный хищник на земле и мне очень хочется стать его самкой...

А потом все заканчивается. Уроды лежат, не двигаются, но еще живы. Очень жаль. Поднимаю взгляд. Мой Халк шелкает зажигалкой. Смотрит на меня через стекло машины, сквозь облако дыма. А я жду. Чего? Что он подойдет, обнимет, скажет, что сделает все, чтобы меня защитить? А может скажет, что поотрывает руки тем, кто меня лапал... Скажет... Да хоть что-нибудь?! Но вместо этого он тушит свою сигарету, открывает мне дверь, пнув лежачего, и задает вопрос.

– Все еще хочешь есть?

Серьезно? Он еще и издеваться будет?! Скотина!

– Почему... – сглатываю, чтобы не поддаться злости, которая буквально прожигает мне кожу, причиняя боль. Но все равно срываюсь. Выпрыгиваю, начинаю колотить по каменной груди! – Почему нельзя этого было сделать там! К чему это представление! Для кого!?

– Если бы ты открыла глаза, – отталкивает меня к машине, словно ему неприятны мои прикосновения. – То увидела бы, сколько маленьких детей там было. Сколько беременных. Более того, там все стеклянное, и начини я драку, в живых могло никого не остаться.

– Они меня лапали! Они мне в трусы лезли! – я все понимаю, он правильно поступил, но почему так долго!

– Тебе вроде не привыкать, я решил – от тебя не убудет.

И снова удар по щеке. Еще никогда мне не хотелось сделать другому человеку так больно, как сейчас.

– Отвези меня в аэропорт и сделай так, чтоб я больше тебя никогда не видела.

– Меня устраивает, – кивает он на свою машину, и я иду к ней, гордо подняв голову, и конечно замечаю лица людей, которые смотрят на моего Халка с восхищением.

Унизил меня, но спас их.

Прекрасно.

Только почему мне так горько.

Он ведь мог предупредить. Мог ведь. Он идет к кафе, где на скамейке забирает пакет и мою сумку. Бросает все мне назад и заводит машину. Сумку свою я откладываю. Заглядываю внутрь пакета, из которого доносится просто слюновыделительный аромат.

Выпечка горячая, только с духовки. Желудок тут же даёт о себе знать, и я, забив на все, вгрызаюсь в мягкое, сочное тесто, тут же ловлю языком капли жира. Просто чудо.

А еще ловлю на себе взгляд Халка, который уже ведет машину. Но сейчас я не готова его анализировать, слишком вкусно.

– Мне дай, – протягивает он руку, а я игнорирую его. Доедаю свою самсу. Облизываю пальцы, наконец поднимая взгляд и с удовольствием замечая, как дернулся его кадык. Все-таки не бесчувственный, да? – Пожрать дай, сказал...

Его рука коброй обхватывает мою руку, но я забиваюсь в угол, чтобы он меня не достал.

– Вика! Если я сейчас остановлюсь... – сплошные угрозы и никакой романтики.

– Только если скажешь, как тебя зовут, отдам пакет...

Он зло смотрит на меня через плечо, ровно секунду, а я достаю вторую самсу и подношу ее ко рту, готовая откусить... Не забывая при этом стонать от удовольствия.

– Марат. Меня зовут Марат, – шипит он, и я все-таки отдаю ему заслуженный обед.

Марат значит... Интересно.

Глава 6

Мы почти доехали до аэропорта. И пока Марат молчал, я открыла телефон и начала искать все, что связано с этим именем. Если честно, у меня от него мурашки по телу. Марат ведь с бородой, не ясно, какой он национальности.

Да, глаза у него чуть раскосые, да и кожа оливкового оттенка, но кто сейчас поймет эти нации. На бывшей территории СССР давно все между собой смешались. Меня так и подмывает узнать подробности... Хотя, если судить только по имени, он татарин. У меня к этой нации особая с детства любовь.

Камиль вон тоже. Я дико тащусь от его внешности. Но даже она меркнет на фоне жгучей черноты глаз Марата, его жестких черт и широких плеч. Итак, нашла. Марат. «Марат – красивое редкое имя, имеющее интересное звучание».

Очень интересное, не поспоришь...

«Существует несколько версий его происхождения. В переводе с арабского оно приобретает значение «желанный», «цель», «желание», «посланник». По второй версии, данное имя получило свою популярность в СССР в честь одного из предводителей Великой французской революции – Жана Поля Марата. Черты характера».

Вот это уже интереснее.

«В детстве Марат проявляет себя непредсказуемым, доброжелательным, общительным и мечтательным ребенком. Он немного конфликтен, дерзок и упрям».

Это прям про него.

Я поднимаю взгляд, пытаюсь представить Марата ребенком, но что-то плохо получается. Наверное, сложно представить мужчину маленьким, если у тебя на него, что называется, стоит. А у меня на Марата ух, как стоит. Он наверняка чувствует пристальное внимание и переводит цепкий взгляд на меня. Я хмуро утыкаюсь обратно в экран. Что там дальше...

«Прилежно относится к урокам и быстро усваивает новый материал. С раннего возраста он приучен к самостоятельности, ему нравится находиться в одиночестве.»

Да уж. И как к такому одиночке подходы искать. Мне-то наоборот одиночество противно по своей сути. Мне хочется быть с друзьями, какие бы они не были, участвовать в мероприятиях. Даже в школе я по большей части организовывала все праздники, не редко была ведущей, устраивала конкурсы, ну и подставы, что уж говорить. В общем, отца, бывало, в школу вызывали... И мне, конечно, попадало. Нет, он меня не бил, как в случае, когда мы училку подставили и выставили ее посмешищем на всю школу, но тогда он отобрал у меня телефон, не разрешил ходить на любимые танцы, да и вообще на месяц перевел на домашнее обучение. Это был ад. Мне тогда казалось, про меня все забыли.

В общем, – я снова бросила взгляд на римский профиль, – разные мы с Маратом. Очень разные.

А с другой стороны, разве противоположности не притягиваются? Читаем дальше.

«Тайна имени».

Так-так.

«Имя «Марат» скрывает человека с выносливым, гибким и дипломатичным характером».

Да уж, раскидал он пацанов очень дипломатично.

«По типуажу он – уравновешенный холерик».

Как вообще холерик может сочетаться с равновесием. Я бы назвала его флегматиком. Это тот тип людей, которые во время неудач или ужаса простожимают плечами. Я точно не такая.

«У него отличная память, чувство юмора и прекрасно развито воображение. Это любопытная, обаятельная личность с яркой индивидуальностью. Начиная с раннего возраста, проявляет лидерские качества и, повзрослев, становится явным лидером».

Лидером над малолеткой? Вряд ли он способен противостоять моему отцу.

Грустно от этой мысли.

«Ему присуще инициативное и рациональное мышление. Внешне достаточно холоден и строг, но внутри раним и чувствителен. Марат очень обязателен, всего добивается своими силами».

Сколько ему лет? На вид все тридцать пять... Но морщин нет. Да и во взгляде нет усталости, лишь холодная решимость.

«Положительные его качества: справедливость, доброта, великодушие, серьезность, деловитость, целеустремленность и пунктуальность. Отрицательные черты характера: обидчивость, замкнутость и нелюдимость».

Вот про замкнутость прям точно. Насчет справедливости я бы поспорила... Он из тех, кто судит по обложке... Такое себе...

«Зимний обладатель имени Марат – волевая, мужественная и импульсивная натура. В жизни добивается больших результатов. Весенний – замкнут, любит одиночество. Обожает проводить свободное время в кругу своих друзей и близких. Рожденный летом – активный парень, любящий спорт. Он вынослив, не боится трудностей. Осенний – прекрасный семьянин».

Прям интересно, а когда... Додумать не успеваю, как с губ летит вопрос.

– А когда ты родился?

– Тебе зачем? – хмурится. Ему явно не нравится, когда лезут с такими вопросами. Он не ответит, это точно. Просто посмеется над моим желанием. Но я обязательно смогу заглянуть в его паспорт в аэропорту.

– Это я не тебе. Голосовое записывала новому парню, – задираю подбородок, и вдруг Марат резко, броском умело вырывает мой телефон из рук. Я даже ахнуть не успеваю. Нет, ему точно не тридцать пять. Какая-то прям детская выходка. – Отдай немедленно!

– Зимний обладатель имени Марат – волевая, мужественная и импульсивная натура, – читает он вслух, просто издеваясь. – В жизни добивается больших результатов. Весенний – замкнут, любит одиночество. Обожает проводить свободное время в кругу своих друзей и близких. Рожденный летом – активный парень, любящий спорт. Он вынослив, не боится трудностей. Осенний – прекрасный семьянин.

– Все, поглумился?

– И зачем тебе это? – он бросает мне телефон обратно.

– Хочу знать, с кем имею дело.

– Или просто разрабатываешь план, как залезть ко мне в штаны, раз уж с внешностью тебе не повезло.

И что это он разговорился? Скучно стало?

– Что значит не повезло? Вряд ли ты в своей убогой жизни встречал девушку красивее меня.

– Манекенов, которые ходят без одежды, полно у витрин магазинов, очень жаль, что все они пустые.

– Я не манекен, – срываюсь на крик. И почему меня это так задело. – И тем более не пустая! Меньше всего меня волнует мнение насчет своей внешности какого-то тупого солдафона!

– И поэтому ты орешь, – хмыкает он. – Да расслабься. Ну не повелся я на твои прелести, найдется сотня других претендентов засунуть тебе поглубже.

А может я хочу только тебя.

– Найдутся. Не переживай.

– Главное, чтобы ты не переживала, а то сейчас расплачешься еще.

– Из-за кого? Из-за тебя? – закинула голову назад и рассмеялась. – Я слишком себя люблю, чтобы плакать из-за человека, которого вижу первый и последний раз в жизни. Когда мы уже приедем?!

– Так уже, – говорит он и кивает на здание аэропорта, к которому мы подъезжаем. И мне бы радоваться, а орать от безнадежности охота. Манекен, надо же. Манекен... Чтоб у него отсох за такие слова. Нашла тоже, на кого слюни пускать. У меня полно в окружении парней, готовых на руках меня носить. И ни один из них бы не позволил каким-то уродам меня лапать. Все отцу скажу. Пусть его со службы уволят.

Марат паркуется, и я сразу выпрыгиваю из машины, подтягиваю рюкзак и иду вперед, его не дожидаясь. Он, конечно, нагоняет, я буквально чувствую вибрации его энергетики, которая волнами проходит через меня. Пальцы покалывает от желания коснуться его твердой оливковой кожи, провести ногтями по шее, по короткому ежику волос, трехдневной щетине. Но я бракую эти мысли, стараясь думать только о том, что уже завтра я забуду этого грубияна и снова буду радоваться жизни...

Мы подходим к окошку кассы. Люди жалуются, что мест на рейсах уже нет. Но для меня это никогда не было проблемой. Стоило только показать документ, где указано, кто мой отец.

Марат достает свой военный документ, а мне остается показать свой паспорт и нужную корочку, которая всегда хранится в нем.

– Вика, живет... Самолет через полчаса.

Я хмыкаю, сую руку в рюкзак, а там пусто. Ну то есть, там всякая мелочь, но паспорта нет.

– Вика.

– Да сейчас... – вываливаю все содержимое на пол возле кассы под взглядами ожидающих. Плевать.

Телефон, косметичка, прокладки, даже ножик складной и зажигалка. Расческа. Но паспорта нет.

– Ты же собирал мой рюкзак в кафе, – поднимаю глаза на раздраженного Марата.

– Не я. Мне передали. Твою ж мать, – он поворачивается к ожидающему кассиру. – Она дочь генерала Даниленко. Может без паспорта обойдемся?

– Я прошу прощения. Мне в любом случае нужно оформить билет. Как полагается.

– А если по копии, – в надежде поднимаюсь я, вставая рядом с Маратом. От него буквально веет негативом. Его запах хвойного мыла, собственный мужской буквально заполняют все рецепторы, бьют по нейронам, заставляя дико нервничать. Опять я буду виновата, да?

– Нет, простите. У нас правила.

Мы отходим от кассы, пропуская других, и просто стоим. Молча. Марат явно думает, как мог так опростоволоситься, а я стучу ножкой, пытаюсь понять, расстроена ли я. Это как минимум еще полдня в его компании. Пока за паспортом съездим. Пока вернемся.

– Вернемся в то кафе, – пожимаю я плечами и уже хочу шаг сделать. Он головой качает.

– Нет его там. Мне рюкзак передали, а на полу уже не было ничего.

– То есть ты даже не проверил.

– Да, твою задницу выручать спешил. В следующий раз обязательно все проверю, чтобы тебя успели поймать по кругу.

– Да ты только рад будешь! И следующего раза не будет! Отцу звони, все равно сам ничего решить не можешь.

Он сжимает челюсти, собирает пальцы в кулак, даже чуть приподнимая. Но он не ударит. И я хмыкаю, подбородок задираю. Вижу кафе и иду туда кофе пить.

– Куда собралась?

– Попить кофе, или предлагаешь мне послушать, как ты перед отцом унижаешься. Ой, простите, не смог вам дочку привезти, потому что debil...

– Договорись, Даниленко.

– Боюсь, боюсь, – поднимаю руки в сдающемся жесте, но тут же, вильнув хвостом, иду пить кофе.

– Далеко не уходи...

– Про багажник уже слышала, – машу рукой, не глядя, и сажусь напротив него, смотря, как он с кем-то разговаривает по телефону. С отцом? Тогда почему улыбается? Черт... Он улыбается. Охренеть. А как же хочется, чтобы мне улыбнулся. Вот так же, непринужденно... По телу жар прокатывается, и я снова вспоминаю, что хочу влюбить его в себя. Но теперь это кажется почти нереальным.

– В гостинице выпьешь кофе, – подходит он раньше официанта.

– В какой?

– В ближайшей. Завтра утром будет военный самолет. Полетим на нем.

Стоп. В гостиницу? С ним? Вместе.

То есть, все же не настолько нереально.

– И что в номере в одном спать будем?

– На разных кроватях, так что не спеши трусы снимать.

Глава 7

Ехать никуда не пришлось. До гостиницы возле аэропорта было десять минут ходьбы. Более того, рядом несколько мест, где мы могли остановиться. Но этот хам выбрал самое дешевое место. Уверена – назло мне. Так сказать, проучить зарвавшуюся золотую девочку.

Само здание трехэтажное, вполне приличное. Очевидно, чтобы привлечь внимание, но вот внутри... Обшарпанное, кое-где покрывшееся желтизной от времени или неаккуратного ухода.

У ресепшена стоит несколько человек на регистрацию. Семейные пары, молодые ребята, которые уже вовсю мне улыбаются. Ничего нового.

Марат посадил меня в одно из задрипанных кресел. Пошел договариваться... На мои вопросы, заданные по дороге сюда – почему нам нужно ночевать в гостинице – он как обычно промолчал.

Ну конечно, мне же не нужно докладывать. Я же не генерал. Всего лишь его дочь.

Пока Марат улыбался какой-то дородной мадам за стойкой, я думала о том, что в таких местах можно вообще не убирать и не делать ремонт. А зачем? Все равно каждый день будут толпы, чтобы оформить номер хотя бы на сутки. Но рано или поздно отзывы дадут о себе знать. Хотя, если эта выжженная блондинка за стойкой будет так же показывать свой большой рот и выкладывать свои сиськи на всеобщее обозрение, то может они еще и продержаться.

Эта тварь буквально вылизывает глазами моего Марата, не удивлюсь, если она уже нацелилась на его ширинку.

Я не могу это оставить просто так.

– Милый! – лечу к нему. – Ты сказал, что нам нужна самая большая кровать?

Я, широко улыбаясь, беру Марата под руку, давая понять крашенной блондинке, что территория занята.

– Это правильно, нам с сестрой нужно спать подальше друг от друга...

Сволочь!

Зато дама эта прям расцвела. Улыбнулась и мимо очереди выдала ключи, не забыв упомянуть, что ее зовут Юлия, и обращаться к ней можно по ЛЮБОМУ вопросу.

Марат стряхивает меня как назойливую муху. Разворачивается, идет в указанном направлении, пока эта идиотка идет разгребать людские завалы. Она больше не улыбается. А я спешу за Маратом. Он рассматривает стены, поднимается на второй этаж, а я, злая как черт, выжигаю дыру на его широкой спине. Вот почему в нем все идеально. Этот разворот плеч, короткий ёжик на затылке, задница в конце концов. А походка. Жесткая, строевая, словно он ногами сваи вбивает. Но при этом даже не напрягается, абсолютно расслаблен. При этом он знает, что я рядом, что далеко не уйду без телефона в рюкзаке. Даже если я замедляю шаг, просто бросает через плечо, как плевок.

– Давай живее, а то спать будешь в аэропорту.

Злюсь и слюной исхожу... Одновременно. Не понимаю, чем я заслужила такое отношение. Мне восемнадцать, я могу позволить себе не только выпить, но и сексом заняться. Кто он такой, чтобы так со мной обращаться. И спросить ведь не могу. Буду я еще перед ним унижаться и что-то вымаливать. Пошел он!

Пока идём по длинному коридору второго этажа. Прохожу мимо нескольких зеркал. Вижу, как отражение шепчет мне, что даже в таком наряде я точно красивее той крали с ресепшена.

Да и мужские взгляды, мимо проходящих постояльцев, о многом говорят. Каждый из них был бы счастлив оказаться со мной в одном номере.

Но нет, мне стоило захотеть одного единственного мужчину, на которого не действуют мои прелести. Что за вселенская несправедливость!?

«Скорее справедливость», – бурчит мой внутренний голос. Он часто со мной болтает, но я по большей части его игнорирую. Вот и сейчас он орет мне не лезть к Марату, не ругаться, не жаловаться на грязный номер, не пялиться как тупая фанатка на кумира.

– Зачем ты меня опозорил? – начинаю кричать сразу, как только закрывается дверь. Да уж, номер просто «люкс»...

– Ты сама себя позоришь, я же сказал сидеть.

– Чтобы ты своим обаянием выбил нам вот это убожество? Не могли в другой отель заселиться? Я не могу провести здесь всю ночь!

Покрывало настолько сальное, словно не стиралось со времен постройки аэропорта...

– Рад, что мое обаяние на тебя действует.

Он одним движением стягивает футболку, которая наверняка теперь пахнет и моим телом тоже. Ну блиин... Марат... Его совершенный торс, косые мышцы живота, прокаченная спина не дают разгуляться воображению. Оно работает строго в одном направлении. Самом неприличном, где я падаю на колени перед этим мощным животным и как минимум помогаю снять штаны, а как максимум собираюсь взять в рот. Камиль столько раз просил об этом, что я со счета сбилась. Но раньше я лишь фукала и не понимала, как отросток, который используют для мочеиспускания, можно брать в рот. А теперь я смотрю на Марата и пытаюсь представить, какого размера и формы его причиндалы. Такое тело не накачаешь в тренажёрном зале, это работа в поле, с топором, с оружием. Эта животная сила буквально бьёт по нейронным окончаниям, заставляет замирать и подбирать слова, которые были бы хоть немного членораздельными.

– Вик, слюну подбери, я не привык грызть кости.

Кости?! Это я-то кости, со своим вторым размером?!

Ненавижу! Обида жжет глаза, но эта сволочь никогда моих слез не увидит. Мне хочется наброситься на него, выцарапать глаза, но даже своим воспаленным от эмоций мозгом понимаю, что никакая рукопашка не поможет побороть этого робота. Он еще и поржет надо мной.

– Знаешь, – говорю сипло, подойдя к стулу, на который Марат бросил мой рюкзак. Я тут же его подхватываю. На плечо закидываю. – Ты оставайся здесь, наверняка тебе захочется развлечься с этой мясистой Юлей, а я найду себе место получше. И компанию, которая оценит меня по достоинству.

Разворачиваюсь, иду к двери, нажимаю на ручку, но вдруг чувствую обжигающее тепло его груди, прижавшей меня к полотну. Жёсткие, грубые пальцы вжимаются в мои, надавливая, почти больно... Но все, что я чувствую – это желание развернуться в его руках и целовать его, все, что я чувствую – обжигающую губы жажду быть к нему еще ближе... Хочу попробовать на вкус его улыбку. Интересно, как он целует? Жёстко или наоборот мягко, слюняво или сухо, двигая языком внутри моего рта или язык вообще не использует.

– Ты останешься здесь, Даниленко. Я не собираюсь за тобой гоняться.

– Я здесь не останусь... – твердо, почти яростно, но его тело действует похлеще алкоголя, и меня уже несет. – Если ты только не попросишь меня.

Мозги всмятку, иначе как объяснить мой тон, мое движение задницей по его бёдрам, в надежде почувствовать хоть какой-то отклик... Неужели я его совсем не возбуждаю?

– Попрошу...

Он вдруг разворачивает меня к себе, задирает футболку так резко, что я опомниться не успеваю.

За доли секунды в голове проносятся образы разгоряченных тел на грязном покрывале, уже не важно где... Но тут же все меняется. И страсть, полыхнувшая во мне, становится ненавистью.

Марат не стягивает с меня вещь, он завязывает ею руки. Разворачивает меня к кровати и пихает лицом вниз.

– Полежи, я пока помоюсь.

Лежать с завязанными за спиной руками дико неудобно. Особенно, если тебя колотит от обиды и возбуждения... Он думает, что связал меня. Так просто я сдамся. Дочь-то Даниленко? Как бы не так. Я разворачиваюсь на спину, смотрю на потрескавшуюся побелку. Убожество. Но я готова простить это, если Марат перестанет делать вид, что я его совсем не волную... А если не волную, если он не врёт. Не насиловать же мне его в конце концов... Хотя... Ладно, для начала можно подтянуть ноги к себе, вот так...

Спустить связанные руки и просто перебросить через собранные в коленях ноги... Теперь надо как-то развязать этот замысловатый узел. Причем побыстрее, может, он моется как отец минут пять, а прошло уже три. Зубами всеми силами я-таки развязываю с рук собственную футболку. Откидываю в сторону двери, из-под которой собирается приличный уже пар. Во рту пересыхает, внутренний голос как обычно предостерегает от глупостей, но я не слушаю. Не думаю. Только дверь сильнее открываю в водное царство.

Смотрю сквозь пар.

Наступаю босыми ногами на прохладный кафель, пытаюсь рассмотреть, что происходит в душевой. За грязными разводами на стекле различаю большое тело, во рту внезапно пересыхает. В груди растекается лава, устремляется в низ живота, где все стягивает тугим узлом, который развязать сложнее, чем мои руки.

Я свожу бедра вместе, рассматривая, как Марат стоит обнаженный, упирается рукой в стену, как под влажной кожей перекачиваются мускулы, как по мокрой, сильной, увитой мышцами руке стекает вода. Он словно разминает шею, двигая головой под струями в разные стороны. Я сглатываю ставшей вязкой сладкую слюну, понимая, что попала в такие крепкие сети, в каких не была муха-Цокотуха...

Если он паук, то я готова принести себя ему в жертву, свое тело на алтарь его грубости. Пусть будет каким угодно, только не отталкивает. Он кажется безразличным, но что будет, если я обнаженная окажусь с ним в закрытом пространстве. Рядом. Влажная. Готовая. Открытая даже для боли, которую он может мне принести. Принесет.

Я снимаю с себя спортивный черный лифчик, стягиваю трусики, чувствуя, насколько они стали влажными. Ступаю почти бесшумно к ужасно грязной дверце, подбираясь все ближе к объекту своего вождения. Накрываю ручку и тяну на себя, замирая внутри вся от страха и предвкушения. Я не знаю, как он поступит, но осознаю, что я иначе не могу. Не могу держаться от него подальше...

И страдаю, что не смогу никогда...

Он замирает, словно от холодного ветерка, скользнувшего со мной в душевую кабину. Пальцы, которые он распластал по стене, сжимаются в кулак. Но это ничего, гораздо интереснее, где вторая рука. Я резко, почти надоедливый комаром шмыгаю к стене, прижимаюсь к ней спиной. Смотрю на кулак внизу, боясь поднять взгляд. Или просто не хочу, потому что смотреть на торчащую из длинных сильных пальцев головку просто невыносимо возбуждает.

По телу бьют горячие струи, обжигая, почти рая. Не понимаю, как он может стоять под такой горячей водой, не понимаю, почему вместо того, чтобы запихнуть член в меня, он дрочит.

– На меня? – задаю тихий вопрос, но он молчит. Отходит вдруг назад, к самой закрытой дверце, прислоняется к ней, так и не выпустив член из руки. Хотела посмотреть – смотрю. Но как попросить его убрать руку, как предложить свою. Расстояние между нами минимальное, но я не могу поднять повисшие в бессилии руки, потрогать то, что мне так хочется, ощутить во рту его вкус...

– Ноги шире расставь, – внезапно раздаётся его голос. Глухой, напряжённый. Я взлетаю взглядом по его идеальному телу к вылепленному скульптором лицу. Оно все так же непроницаемо... – Даниленко, ноги шире расставь, я сказал.

Ну как тут не подчиниться. Я делаю шаг правой, шире открывая ноющую промежность.

Не узнаю себя, но не могу иначе, тем более, когда он убрал руку от члена и принялся растягивать кожу по всей, невероятной длине. Хотя вполне вероятной, но такой желанной, что я сглатываю.

– Позволь мне самой...

– Рот закрой и потрогай себя.

Обидно, но я задираю подбородок. Мне многое хочется ему сказать. Злое, колючее, но ещё больше мне хочется подчиниться. Пусть даже грудь сжимает от обиды. Я накрываю влажные донельзя складочки, чувствую, насколько они горячие и влажные.

– Раздвинь пальцами, покажи себя.

Я киваю, закусываю губы, ощущаю, как от происходящего по телу бьют разряды тока. Но гораздо больше от того, как он держит пальцами донельзя напряжённый ствол, как смотрит на меня налитая кровью темно-розовая головка.

Раскрываю себя, чувствуя, как горят соски, как мне хочется их потрогать, как по венам растекается горячая сладкая патока. Так хочется коснуться его, провести пальцами по буграм и кубикам.

– Пожалуйста, Марат...

– Покажи, как кончаешь...

Я делала это раньше, трогала себя, испытывала оргазм, но никогда не делала этого напоказ. Никогда не думала даже об этом. Это все иначе. Сокровенное, только для него. Может тогда он поймет, как ошибался на мой счёт. Растягиваю влагу по складкам, трогаю самый центр, закусываю губу, стремительно наращивая темп пальцев. Всего несколько движений и меня накрывает. Разряд такой силы, что хочется кричать. Но изо рта исходит только стон. Закрываю глаза, когда открываю, вижу: Марат уже отпустил руку и смотрит на меня со злой усмешкой. Становится так больно, до слез обидно.

– А ты?

– А я не привык дрожить перед чужими людьми, но для тебя, я вижу, это не проблема.

Моя рука поднимается на автомате, именно та, которая все еще пахнет моими соками. Оставляет смачный след на его небритой роже. Тут же иду на выход, одеваюсь в мокрое белье, мную футболку, шорты, иду к двери, но меня буквально откидывает на кровать. Марат наваливается сверху.

– Слезь с меня, придурок!

Он вдруг стягивает над головой мои руки, и я слышу щелк наручников!

Эй!

– Потерпи до утра, идиотка. Потом найдешь, как свою пизду почесать.

Я ахнула от грубости этого солдафона, согнула колени и попала четко в пах. Обида жгла глаза, а его боль я воспринимала как удовольствие.

– Отпусти меня немедленно! – истошно ору. – Или я скажу отцу, что ты меня изнасиловал!

На его лице не возникло ни капли эмоций, когда меня от них прям колотит.

– Попробуй, хотя думаю, твой отец скорее поверит, что это ты насилуешь мужиков.

Я зарычала. Прямо в его каменную рожу, обнажив зубы, которыми с удовольствием вгрызлась бы в дубовую кожу. В следующий момент просто плюнула в него. Ненавижу уroda! Ненавижу!

– Я целка! Ясно тебе! Я ни одного мужика к себе не подпустила.

– А я значит избранный?

Я только открываю рот, чтобы высказать все эпитеты, которыми я бы с удовольствием заменила слово «избранный», пока он стирал с себя мою слюну.

Уверенная, что он размажет ее по моей футболке, я вздрагиваю. Голос пропадает от шока. От неожиданности, когда что-то влажное касается моей коленки.

Опустив взгляд, я наблюдаю, как влажная дорожка стелется до самого бедра. Его длинные, сильные пальцы это делают.

– Что, – сипло получается. – Что ты творишь...

– Очевидно, собираюсь проверить, не пиздишь ли ты мне, – его пальцы все выше, подбираются к расщелине. Еще минуту назад я бы гордо заявила, как там сухо, но теперь он поймет, насколько сильно мне хочется этой проверки.

В голове сотни мыслей, пока его пальцы уже близко, так жгут. Почти до слез. Тело струной натягивается, кажется, еще немного, и я снова кончу. Вот так вот. Привязанная, раскрытая перед ним. Абсолютно беззащитная. Наполненная терпким запахом его тела, его силы и энергетики. Она снесла меня с первого взгляда, она просто меня покорила. Как покоряют дикари в романах.

– Ведь кто знает, как быстро пройдет твоя влюбленность.

Вот так легко из эротической неги Марат скинул меня в обжигающую реальность, где все, что он хочет со мной делать – это издеваться.

– Да пошел ты! – дергаюсь я всем телом, пытаюсь скинуть его руку, но она словно собирается борозду оставить, только сильнее вдавливается в мою кожу, оставляя горячий влажный след. – У тебя был шанс! А ты его проебал, понял?! Отпусти меня...

– Точно? – его палец коснулся мягких, мокрых складочек, дразня, соблазняя. И так легко поддаться, так легко поверить, что он действительно меня хочет, так легко поверить, что я получу желаемое.

– Пошел. Вон, – цежу сквозь зубы и сдвигаю бедра, так сильно работая мышцами, что он резко выдергивает пальцы, словно зажатые в тисках.

– Ну как хочешь. Тогда спи, – кивает он, выключает свет и просто ложится рядом. Просто отворачивается ко мне своим голым задом. И видеть я его могу только в полумраке комнаты. Ну уж нет. Ноги у меня свободны, так что... Начинаю толкать этого монстра, чтобы освободить себе всю кровать, но он словно весит тонну. Не сдвинуть, не повернуть.

– Да ты издеваешься!

– Будешь рыпаться – на полу положу. Спи давай.

Я еще попыталась скинуть это неподвижное тело. Несколько минут пыталась, пыхтя и напрягаясь. Но вот он вскакивает, собирается меня отстегнуть, понятно, с какой целью.

– Ладно, ладно! Я больше не буду. И чего тебе не спится, не пойму, – отворачиваюсь на бок, дико не удобно, когда руки над головой. Но лишний раз его трогать и о чем-то просить я не собираюсь. Завтра мы попадем домой, и я за все расквитаюсь. Уже в красках представляю, как его вышвырнут со службы, как он пойдёт по миру, как приползет ко мне на коленях просить прощения. Даже улыбка на лице появляется, только вот сон не идет. Еще и живот крутит, хотя я вроде не голодная.

Внезапно Марат срывается с постели и бежит в ванную, там закрывается. Его рвет. Причем прилично так. И мне хочется позлорадствовать, но учитывая, что мы ели одну придорожную гадость, меня тоже может накрыть.

Из ванной Марат не уходит. Слышу кран, а значит...

– Только воду не пей! – ору я ему, но дверь закрывается на защёлку. Дебил. Неужели не знает, что если рвет, пить нельзя?

И вот, пожалуйста, снова целуется с унитазом.

Проходит несколько минут. В ванной тишина.

– Марат! – зову я, но ноль реакции. А если он там сдох? А если и меня это ждет. Прислушиваюсь к своим ощущениям. Вроде даже не тошнит.

Проходит еще пять минут, и по телу ползет страх. Уже не смешно.

– Марат! Марат, твою мать!

Ни ответа, ни привета.

Начинаю дергать наручники, но сколько не мучаюсь, ничего не получается. За дверью Марата снова рвет.

Да сколько можно?!

– Марат!

Поворачиваюсь и так, и эдак, бросаю взгляд на кровать. Потом на тумбочку. Его кошелек лежит. Вдруг повезет?

Подцепляю двумя ногами предмет, сгибаю ноги, поднимаю их так, чтобы руками взять кошелек и вытрясти из него содержимое на подушку рядом с собой. Удача! Ключ от наручников здесь.

Подцепляю его ногами, подношу к рукам и забираю пальцами. Расстегиваю замок и бегу в ванную.

– Да господи, – Марат лежит на полу, обнимает унитаз. Лицо серовато-зелёное, на призывы не реагирует. – Надо скорую вызвать.

– Как ты освободилась, – пытается он сказать, но его тут же рвет. Бедный. Мне почти его жалко.

– Как-как... Живот болит?

– Адски. Что за дрянь мы ели.

Мы... Надо же.

– Не знаю, у меня все нормально.

– Не удивлен, ты же ведьма. Свали отсюда, дай мне сдохнуть.

– Ну вот ещё, – смеюсь я, стирая со лба крупные капли пота. – А кто будет меня девственности лишать? Умрешь ты, я уйду в монастырь.

– Монашки не переживут такого соседства.

– Если ты способен шутить, то все не так плохо. Ладно, я в принципе могу и сама тебя вылечить. Уверена, ты будешь только рад такой медсестричке.

Его снова рвет, так что скорее всего он не оценил мой тонкий юмор. Оставляю его наедине с керамической любовницей, звоню в службу заказа и прошу принести куриный бульон. Далее звоню в службу медицинской доставки и заказываю все необходимое для капельницы. Осталось перенести его на кровать, а этого я не знаю, как сделать.

Еще иду на ресепшен, прошу ведро или тазик. Объясняю, что брату – раз уж он так нас представил – стало плохо. Они, конечно, предлагают вызвать скорую, но разве я могу позволить кому-то другому лечить моего Марата. Теперь он в моих руках. Что может быть лучше?

Глава 8

– Сюда идет врач, – объявляю я с порога ванной, замечая Марата в том же самом положении. Его лицо того же цвета, его губы побелели. Кажется, он что-то хочет ответить, но его опять тошнит. Если честно, теперь мне не до веселья. И если с моим лечением за пару часов ему не станет лучше, то я, конечно, действительно лучше вызову скорую, а пока...

– Ну давай, ковбой, ты же сильный, помоги мне, – подлезая под его тяжелую руку и напрягая все мышцы тела. Даже те, о которых не подозревала.

Марат глухо стонет, но все-таки поднимается на ноги, придерживаясь за унитаз, и вскоре мы, пробираясь по стенкам и наличникам дверей, все-таки добираемся до кровати. Я продолжаю ощущать запах пота, но теперь он какой-то болезненный. Возбуждать такое не может. Хотя это и не отменяет того, что я получу этого мужчину, когда поставлю на ноги.

Марат валится всей своей тяжестью, утягивая на постель и меня. Еле вырываюсь, переворачивая его на бок. Трогаю лоб, щеки.

Он такой холодный, просто жуть, и я скорее накрываю его одеялом. Подставляю тазик, когда его снова полощет. Обтираю полотенцем ему лоб и даю промокнуть губы.

– Воды дай.

– Нельзя, Марат. Потерпи.

Он облизывает губы, которые я только что увлажнила тряпочкой и вдруг открывает глаза.

– А если поссать захочу, тоже тазик подставишь?

– Из тебя вышло столько жидкости, что ты вряд ли захочешь в туалет. Но если да, я заказала и утку.

– То есть врача не будет?

Ой...

– Решила угробить меня в отместку за мое хамство.

– Значит, ты признаешь, что был хамом?

– Убить заботой, как это по-женски, – не признается он, а мне и не надо. Его слова вполне тому подтверждение.

Через полчаса наконец приносят все, что я заказывала. Сначала я заставляю Марата проглотить пригоршню активированного угля. Потом ставлю катетер, благо с венами у Марата все в порядке. Это тебе не на толстяках тренироваться, где под жиром и не разберешь, где вены.

Попадаю с первого раза. Хотя довольно сложно быть сосредоточенной, когда за тобой внимательно следят.

– Отвернись, а.

– А что? Играю роль зрителя в твоём спектакле.

Подкручиваю колесико, чтобы физраствор лился не так быстро, но застываю, когда слышу это замечание. И будь я дурочкой, наверное, бы похлопала ресницами, сделав вид, что не понимаю, о чем он. А так... Он ведь прав.

– И как?

– Вполне правдоподобно. Ты меня уже второй раз удивляешь.

– Настолько, чтобы лишить меня девственности?

– Точно. Третий раз. Если, конечно, ты не врешь.

– У тебя всегда есть возможность проверить, – заканчиваю приготовления и сажусь рядом. Обтираю холодный пот полотенцем. Вижу, что Марата снова тошнит, но уголь и физраствор помогают. Значит, ничего критического не было, просто организм плохо воспринял еду. Да и мой тоже. Просто в другом выразилось.

– Воздержусь.

И все? После этого он просто закрыл глаза. Уснул? Серьезно? Именно тогда, когда мы начали вроде как общаться.

– А можно подробнее? – не выдерживаю тишины и вместо того, чтобы оставить больного в покое, начинаю его трясти за руку. – Марат!

Он откашливается, но глаза открывает. И мне даже кажется, что они смеются. Хотя лицо все такое же серьезное...

– Вика – ты проблема. Пусть и ходящая на самых идеальных ногах, которые я видел.

Он уже не трезв, хотя и не пил. Просто состояние болезни развязывает язык, поэтому я буду мучать его, пока не удовлетворю свое любопытство.

– Значит, тебе нравятся мои ноги...

– А ты сомневалась?

– И грудь. Ты же ее видел.

– Тебе восемнадцать. Обычные стоячие сиськи молодухи.

– Грубо, но допустим. Хотя вот с нами занималась одна девочка, у нее грудь была очень некрасивой формы.

– И ты, конечно, над ней смеялась. Причем в открытую, – делает он выпад, а у меня щеки горят. Потому что он прав. Он словно насквозь меня видит.

– В свое оправдание могу сказать, что эта сучка пыталась парня моей подруги отбить. Так что я даже толком не сделала ничего, просто посоветовала в будущем найти хорошего хирурга, чтобы ее соски не смотрелись больше самих сисек, знаешь, как это по-уродски.

– На вкус и цвет.

– У тебя бы точно на них не встал!

– После трехмесячной командировки, где меня окружают одни мужики, у меня и на козлячье вымя встанет.

– Фу... – показываю язык в характерном жесте, но продолжаю свой допрос. – Ну допустим, тебе пофиг на мои сиськи, но согласишься, что лицо у меня очень красивое. Мне всегда это твердили.

– Ну так если дурака уверять, что он птица, он и сиганет с крыши.

– Ты дурак?! Хочешь сказать, они мне все лгали?

– Вик, не ори, и так башка гудит. Дай еще твоих таблеток. Или для этого нужно три раза поклониться твоей неземной красоте.

– Не нужно, – бурчу я, – просто ты не можешь не признать, что я привлекательная.

Встаю, чтобы налить ему глоток воды и дать аспирин. Он тут же его глотает и выливает в себя каплю воды. Трогаю его лоб, и, кажется, он стал теплее. Да и не рвет его уже несколько минут. Прогресс.

– Слишком, – жесткая хватка на запястье.

– Что?

– Все в тебе слишком. Слишком идеальные ноги, слишком идеальная грудь, слишком привлекательная. Ты одно сплошное слишком. А еще ты слишком любишь привлекать к себе внимание. Ты не можешь без этого, как цветок не может без воды. И ведь ясно, что одним разом у нас с тобой не обойдется. Более того, я же тебя себе заберу. Только вот ты будешь вечно жопой вилять, вечно меня доводить своими выходками. И закончится это все тем, что либо я грохну тебя, либо того, перед кем задом ты виляешь. А у меня на жизнь слишком глобальные планы, чтобы все посыпать к хуям из-за одной симпатичной пизденки.

Каждым словом он словно вампир высасывал из меня энергию. Наверное, потому что каждое, как топор, рубило правду матку. И каждое било точно в цель.

Он усмехнулся, увидев в моих глазах подтверждение своей отповеди. Отпустил так резко, что я повалилась на стул и так и замерла, смотря ему в глаза. Они уже наполнились цветом,

он быстро приходил в себя. Наверное, и мое лечение ему было не слишком нужно, просто ускорило процесс излечения.

– Ложись спать, Вик. Завтра с утра самолет моего друга будет нас ждать в восемь утра. Опаздывать нельзя.

Он отворачивается, а я только и думаю, что даже для моей перевозки ему не понадобилась помощь моего отца.

– Вик, свет выруби, а...

– Угу, – только и киваю, плетясь к выключателю, а затем не раздеваясь ложусь рядом с ним. Теперь в этом нет ничего такого. Мы поговорили, мы все решили. Я ветряная стрекоза, а он не хочет со мной возиться. – А что у тебя за планы такие наполеоновские.

– Вик...

– Ну что, теперь и спросить нельзя? Я же не про член твой спрашиваю, – хотя и могла бы.

– Даже удивительно. В вашей культуре целки вообще умирающий вид, да и те, что есть, скорее напоминают суккубов.

– Что значит, в нашей культуре, – поворачиваюсь к нему. – Типа отличной от татарской??

– Именно... – значит, я не ошиблась. – У нас хотя бы женщина чтит отца и мужа. Чего никогда не придется ждать от тебя. Хотя тебе ведь это и не нужно. Верно?

– Верно... – отворачиваюсь от него и ловлю губами слезы, пока в душе смеюсь. Потому что моя мать была истинной татаркой. И все, что она чтит – это себя. Так что ты, Марат, ошибаешься.

Глава 9

Когда я проснулась, было уже светло. Шторы на распашку, а Марат полностью одетый сидел в кресле. Я могу поклясться, что смотрел на меня во сне. Но разве он признается? Его щетина теперь покрывала всю нижнюю часть лица, делая его вид еще более пугающим. Но я таяла, смотря на четкие линии, на черты, потому что все в нем выдавало мужчину. Рядом с таким хотелось капризничать и беситься, потому что была уверенность, что он одним взмахом руки, одним поцелуем, одним касанием успокоит любую истерику, прикроет от шторма, защитит от пули. Грубый, но честный. Ставший таким родным, но совершенно мне чужой.

– Сколько тебе лет? – первой решаюсь на вопрос, поднимаясь на постели. Наверное, на голове и лице черти что. Но раз он отказался со мной спать, то и мне должно быть плевать, как выгляжу.

Он встает и подходит к двери, не удостоив меня ответом.

– Давай живее, а то побыв с тобой сутки, я в свои двадцать пять чувствую себя уже стариком.

Дверь закрылась. Комната погрузилась в тишину моих мыслей. Но ее освящала моя улыбка. Потому что пусть не прямо, но ответил на мой вопрос. Пусть не прямо, но сказал, что этот день много для него значит.

Отметка настроения взлетает выше головы, и вот я уже вскакиваю с кровати, умываюсь, чищу зубы одноразовой щеткой, убираю волосы резинкой, что оставила еще вчера на раковине, и, подхватив сумку, дефилирую к двери.

Вот спросите меня, одевалась ли я когда-то так быстро, я точно скажу – нет.

В коридоре Марат с кем-то разговаривает по телефону. Быстро оглядывает меня и кивает, шагнув вперед.

Нет, я, конечно, не ждала масляного взгляда и признаний в любви, но хоть какое-то одобрение моей скорости должно было быть. А то получается, зря торопилась? Зря старалась?

Мы идем к ресепшену, где Марата встречают влажные взгляды сочинских дам. И каждой я желаю сгореть на солнце. Хотя вчера смена мне в итоге помогла. Так что говорю, когда Марат ключи от номера отдает.

– Спасибо за тазик! Я все оставила в номере.

– Надеюсь, все хорошо? – переводит пухлая брюнетка на меня взгляд, а я киваю. Она вроде искренне интересуется.

– Да, справились с отравлением брата.

– Удачного пути, – улыбается она шире, пока русая напарница буквально трахает Марата глазами. Нельзя быть таким. Это запрещено. Особенно, когда по тебе видно, что ты не богат как крез. Был бы Марат богатым, на него бы даже смотреть боялись, а так каждой хочется приголубить этого мальчика. Каким бы он при этом мужиком уже не выглядел.

– Да уж, – выходим в удушающую жару, которая наваливается тяжелым мешком на плечи. И это в семь утра. – У тебя никогда не будет недостатка в женском внимании.

– А у тебя в мужском, – парирует он. И хоть он просто ответил, я в своем розовом сиропе, который заполняет мозг рядом с Маратом, уже представила, что он бросил мне самый лучший комплимент.

– Значит, мы идеальная пара, – подстраиваюсь под его широкий шаг, даже под руку беру, и, что интересно, он не отстраняется. Это знак, да? – Нам далеко?

– В аэропорт.

Я не задавала больше вопросов, наслаждаясь тем, что мы идем так близко, что у меня есть возможность вдыхать его терпкий аромат, прокручивать снова и снова события вчерашнего дня.

Но идиллию прерывает звонок его старенького телефона. Он отвечает коротко и по делу.
– Да. Да. Скоро будем.

После чего поворачивается ко мне.

– Телефон разряжен?

– Зарядила я вчера, но еще не включала.

Рядом с ним моя насыщенная социальная жизнь стала казаться не важной. Да и зачем его включать, у нас еще столько времени рядом.

– Включи.

– Зачем, будем приземляться, включу.

– Вик, я не полечу с тобой. Там отец уже ждет.

– Стой, – почему-то ощущение, что в меня снежком кинули. Холодно не стало, скорее наоборот, лицо загорелось. – Ты же сказал, самолет твой друг пришлет.

– Именно. Но я сообщил об этом твоему отцу, и он решил встретить тебя сам.

Я отворачиваюсь резко, как от пощечины. Смотрю туда, где вдалеке вижу смутные очертания людей в форме. А Марат. Он просто хотел поскорее избавиться от меня. Потому что я проблема.

– Слабак.

– Что?

– Ты слабак! – поворачиваюсь к нему и вздёргиваю подбородок. – Ты хочешь меня, я нравлюсь тебе, как человек нравлюсь! Но ты слишком слаб, чтобы даже попытаться построить со мной отношения. Ты слабак и не достоин меня. Потому что не вывезешь такую как я. Ты слабак и слабаком помрешь, твой удел та серая мышь из отеля, с ней тебе будет очень просто.

Последние слова уже кричу, а он вдруг мой рюкзак забирает и, бросая его на пол, выуживает телефон.

– Эй, отдай! – прыгаю вокруг него, но бесполезно, он поднял руки и, включив телефон, номер свой в него забивает. – Марат! Я все равно тебе никогда не позвоню, зачем...

Он возвращает телефон, впечатывая его мне в грудь.

– Просто позвони, если будет нужна помощь.

– У меня отец генерал, – возвожу руки к небу. – Какую ты... Ты... Можешь мне помощь оказать? Двери открыть? Или на кнопку лифта нажать?

– Пока, Вик, – отстраняет он руку и собирается отвернуться и уйти, а я что, а мне надо сделать хоть что-то, чтобы он запомнил меня. Потому что он не возьмет трубку, потому что он никогда не придет мне на помощь.

С ревом бросаюсь на него, разворачиваю ударом и прыгаю так, чтобы ногами его бедра обхватить. К губам каменным прижимаюсь. Смело. Дико. Как никогда не делала. Ненавижу поцелуи, но сейчас мне это нужно. Нужно его коснуться, запомнить его вкус, потому что я никогда не увижу его больше, потому что я для него проблема.

Ну давай же, истукан, чувствуй, чувствуй меня! Ты же живой, я знаю.

И через несколько секунд борьбы мой камень сдается. Впускает мой язык и щелкает по нему своим, включаясь в жестокую игру. Это не поцелуй. Это просто выплеск эмоций. Моих. Его, столько сдерживаемых. Мы не целуемся, мы рвет друг другу души, прекрасно понимая, что даже близко не созданы друг для друга.

Он первый меня отталкивает. Буквально отрывает от себя, но вижу, как его ломает, как глаза горят, впервые со встречи.

– Хочу, чтобы ты меня запомнил, Марат. Запомни меня. Сравнивай всех со мной.

– Да как тебя забудешь, – отпихивает грубо и уходит. Просто растворяется в раскаленной жаре, стремительно становится миражом. А я закрываю глаза и реву, реву, реву, как никогда не плакала.

– Доча! – меня поднимают с асфальта сильные руки отца. Он не большого роста, но очень коренастый. – Что он тебе сделал? Обидел? Почему ты ревешь?

Я головой качаю, говоря про себя, что просто люблю его. Люблю, как никогда и никого не полюблю. Потому что первая любовь, безнадежная любовь, она самая сильная.

Истерика никак не проходила, пока меня несли в самолет. А там уже смогли меня уложить и даже успокоительное поставить. Кажется, это уже норма меня таким способом успокаивать.

Первый раз, когда мама ушла, а я рыдала несколько часов, не переставая. Папа не справился и пригласил доктора. Наверное, он был прав? Как еще ему было поступать?

Потом, когда переезжали, сама не знаю, почему тогда рыдала. Вроде с войны уходим, но мне казалось, что, если там останусь, мама вернется. Я так хотела ее дождаться, очень хотела верить, что мы сможем сохранить подобие семьи.

Потом, помню, у меня месячные начались. И так страшно стало, словно меня ранили. Прошлое и крики раненых вернулись, на меня накатило, а тут отец, как обычно, с волшебным укольчиком. Ну а что – ему можно.

Как было бы просто всем родителям, имей они такие полномочия.

Последний раз я помню лет в пятнадцать. Я тогда узнала, что мама, оказывается, давно мертва и уже точно никогда не вернется. Отец меня обманывал так долго. Как я могла это спустить на тормозах. Про них и забыла, когда машину отцовскую угнала. Водить меня он сам учил, за что потом и поплатился. Чудом звания не лишился, когда я в другую машину врезалась на трассе. Он меня тогда от скандала очередным уколом спас. Спаситель хренов. Мне так хотелось перед людьми извиниться, которые из-за меня пострадали, но разве папа дал?

– Живы, – сказал он тогда. – И ладно...

После этих успокоительных я всегда как кот под валерьянкой.

Вот и в этот раз еще месяц хожу вялая. Не понимаю ни фиги. Я Вика Даниленко, я девушка Камиля вроде, я дочь генерала. Только вспомнить не могу, почему опять накаченная. Кажется, словно в тумане брожу. Ежиком. Медведя своего ищу. Только не понимаю, кто он и где он. Медведь мой. Сериалы дурацкие смотрю, с Камилем через раз общаюсь. Странно это все. И отец какой-то добрый, понимающий, ненастоящий. Эмоции кто-то отрезает и рядом складывает, как одежду, пока не проснусь.

Глава 10

– Вик, давай живее, – там все уже ждут. – Сегодня Леха Гром катается. Знаешь же, сколько я в него вложил.

– Знаю, – он уже все уши прожужжал про этого Леху. Давно в гонки вкладывается. Вечно ему нейдет. Однажды точно перестанет на шее отца сидеть. А я когда-нибудь освобожусь?

– Вик...

– Да иду я, – наношу последние штрихи. Стрелки. И на себя в зеркало смотрю. Кукла. И вроде все обычно, только не понимаю, почему кажется, словно чужая. Не такая. Даже отражение свое почти трогаю, словно проверяю. Потом комнату осматриваю, пытаюсь понять, да что же, собственно, не так, когда все так же. Камиль. Только мы теперь не пара. Потому что он мне изменил вроде как. Но я, убей, не помню подробностей.

– Вика-а, – уже бесится Камиль, с кровати моей встает. – Детка, ты шикарная как обычно, ничего нового в зеркале ты не увидишь.

– Точно, – подхватываю сумку, телефон, невольно смотрю на входящие. Словно жду чего-то...

– Вика, блять, ты чего такая заторможенная?!

– А кто бы знал... – все-таки выходим из дома, садимся в его машину, а меня раздражение накрывает. Что-то не так. Да все не так.

Мы в разговорах ни о чем по ночной Москве катимся. Приезжаем на нелегальную трассу. Ну как нелегальную. Конечно, менты в курсе. Просто лапы у всех по локоть в меде. Как у мишки.

Какого еще мишки?

Тут тебе и Никита с Надей, и Артур с Дианой своей. Он теперь везде ее таскает. Самое дерьмовое, что я общаюсь с ними на автомате. Словно робот. Все вроде так же. А что-то не так.

– О, Викуся, привет! – Надя меня обнимает, пока парни к тачкам уходят. Смотрю, Диана теперь за ней как хвостик, в рот заглядывает, но что интересно, выглядит так же убого. Эти водолазки с сарафанами просто жуть. Но не мое это дело. Вообще все это словно не мое.

– Ты Камильчика простила?

– Друзьями пока вроде решили остаться, но он все равно везде со мной...

– Ну а как такую одну оставить, – смеется она, – уведут ведь.

– Ты поэтому Никитку одного не оставляешь? В себе не уверена?

Зачем я это сказала? Ну вот зачем.

– Я в себе уверена, просто Никита хочет видеть меня рядом круглосуточно. Он даже думает квартиру в городе купить, чтобы нам не прятаться по отцовским домам.

– Здорово, что мы можем себе это позволить, верно?

– Вик, ты чего? – Надя глаза округляет. Ну да, негоже золотым деткам о деньгах разговаривать. Но, кстати, Камиль постоянно о них думает. Вот и сейчас потирает ручки в надежде на куш от гонки.

Нахожу в толпе взгляд Камиля, который о чем-то болтает с гонщиком.

Камиль и правда меня осматривает, беспокоится. Я улыбаюсь ему привычно. Как обычно.

Мне нравится, что от моей улыбки и его лицо осветилось. Потом к нему подошла девочка в одних коротких шортах и лифчике, которая должна дать старт гонке. Она ластится к Камиллю, и он обращает свое внимание на нее. Наверное, я ревновать должна, ведь, судя по знакам, именно он ее сюда притащил, потому что трахает. Ревновать должна, а мне пофиг. Все равно ему секса от меня не обломится. Мое либидо крепко спит, лишь иногда дрыгая во сне лапками как собака.

Она отошла, чтобы бюст свой оголить, а Камиль ко мне пристроился.

– У меня с ней ничего нет, – шепчет он мне на ухо, пока сзади обнимает. Понять не могу – зачем он врет? Ну да ладно. Гонка началась, а толпа такая, что ничего не видно.

– Хочешь ко мне на плечи, Викуль?

– О да, – почему-то подняться в воздух хочется сильнее, чем смотреть, как гоняются мальчишки. Камиль садится и предлагает мне забраться на него. Не забывает придержать за ноги, не забывает полапать как следует.

– Вик, какие у тебя ноги, – гладит он их, а я за волосы его кудрявые дергаю.

– На дорогу смотри, там твой гонщик чудеса вытворяет.

Он и правда держится впереди, обгоняя всех на поворотах. Совершая очень опасные маневры. Псих, не иначе.

И кто бы сомневался, что он выиграет.

– Пойдем, – спускает меня возбужденный Камиль. – Познакомлю вас. Если он так и будет кататься, то вскоре я сам, без помощи отца, смогу сводить тебя в кино.

Почему-то смешно становится. Это его желание быть подальше от отца. Но и отказаться от благ, которые ему доступны, он не спешит.

– Ну ты молоток! – Камиль обнимает нашего ровесника примерно моего роста. Тот улыбается Камиллю, но, завидев меня, перестает. И я знаю почему. Я узнаю его. Я узнаю эти глаза-бритвы главаря банды, которая напала на кафе, где мы с Маратом хотели перекусить.

Марат!

– Марат, – не могу сдержать стон, смотря, как перед глазами расплывается от слез все. Бандит стоит – не двигается, а Камиль не понимает ничего.

– Это не Марат.

– Да знаю я! – радуюсь так, что эмоции заставляют задыхаться. На меня накатывает очередной приступ, но беру себя в руки. Сейчас нельзя расслабляться. Сейчас нужно доехать домой и позвонить Марату. Помощи попросить. Неважно какой. – Мне позвонить надо.

– А телефон твой где? – смеется Камиль, кивая бандиту, на которого мне наплевать. Главное, что я вспомнила. Да как я вообще могла забыть?!

Я достаю телефон, отходя в сторону, подальше от шума, от газующих машин и начинаю среди череды контактов бесполезных в моей жизни людей искать тот самый. Главный.

Смешно.

Контакт, который так и не произошел.

«Марат». Его номер на месте. И я смотрю на сверкающие черные цифры на белом фоне как ученый, который наконец обнаружил новый вид растения или животного. Так, словно меня в скором времени ожидает как минимум мировая слава, а как максимум вечная жизнь. Господи, как в груди-то горячо. И как страшно, словно прыгать предстоит головой вниз с высоты. Но, несмотря на эмоции, я делаю глубокий вдох и смело нажимаю вызов.

Так же смело, как целовала Марата в жаркий летний день. Словно погружаясь в прохладу чистейшего озера.

Гудок. Давай же.

Еще гудок. Пожалуйста, возьми трубку. Скажи, что ты не забыл меня.

Пальцы покалывает.

Кожа огнем горит.

Вот рту пересохло.

Но ответа нет.

Интересно, он остался на море?

У него там дом? Или он из Москвы?

Будет, конечно, неудобно переезжать, но вуз можно найти и в Краснодарском крае – поближе к нему.

Я упорная, знаете.

Я не обижаюсь, не удаляю номер, я продолжаю звонить.

Снова и снова.

Отмахиваться от Камиля, который зовет меня в гущу событий, не обращаю внимания на главаря шпаны, ставшего новым проектом Садырова. Я просто звоню. Еще. И еще. И когда я уже отчаиваюсь, когда собираюсь задохнуться от боли и разочарования, на том конце провода слышен звук поднятой трубку. Треск. Дыхание.

Он забыл меня за месяц?

Я даже опешила.

Он просил звонить, только если о помощи просить. А о какой помощи?

«Приезжай, я не могу без тебя».

Марат, наверное, рассмеется.

«Приезжай, я сломала ноготь?».

Да нет, у меня они не ломаются.

«Приезжай, мое тело в огне.».

Реально, сказать, что у меня температура, отравление, я умираю. Пускай долг отдает, приезжает лечить.

«Ага, а в Москве нет врачей?», – спросит он.

Господи, что я ему скажу?

И внезапно, когда я прокручиваю мысленно наш диалог, слышу взрослый, женский голос. С довольно выраженным татарским акцентом. Я его ни с чем не спутаю.

– Кто говорит? Алло?

– Здрасьте... – как неудобно-то.

Может, он номер не тот записал? Или написал чужой. А что, вполне в его духе. Хотя нет. Марат не станет обманывать.

– Кто говорит? – голос почти каркающий, немного раздражающий.

– А можно Марата Балаева?

– А нет его. На службе он, – слышу в голосе слезы. Почему на службе? Разве у него не было планов? Он же говорил о планах. Может, отложил? – Позвоните через пять месяцев, если он, конечно, вернется.

Она кладет трубку, а я упрямо перезваниваю снова. На этот раз не приходится ждать пол часа и мерзнуть в своих коротких шортах.

– Простите, а почему он телефон не взял?

– Да не успел он! – и теперь почти вой в трубку, меня до костей пробирает. Месяц в коматозе. Что я пропустила? – Пришли эти генеральские и уволокли его.

– Почему уволокли? За что? – я ничего не понимаю.

– Да кто ты такая и почему я тебе должна... – и тут она замолкает, а у меня по коже мороз. Затишье такое, как перед взрывом. – А я ведь узнаю твой голос. Ты же Даниленко Вика?

Мне не хочется отвечать. Это жуть как пугает, когда кто-то знает твой голос настолько, что запоминает имя. Но может Марат рассказывал?

– Да, это я. Так почему Марата уволокли. Что с ним.

– Ах ты дрянь малолетняя! – заорала она вдруг в трубку, и я острее слышу акцент. – Ты еще спрашивать смеешь?! Мой сын из-за тебя, суки, погигнуть может, а ты спустя месяц спрашиваешь за что?

– Спрашиваю, – шепчу в трубку. Страшно-то как. До ног онемевших. В смысле погигнуть?

– Ты, тварь, сказала, что он тебя изнасиловал, и его забрали в тот же день. Предложили выбор: или тюрьма, или служба. А он даже не отнекивался, хотя я знаю, что мой сын никогда с такой, как ты, не стал бы связываться. Мой сын ненавидит тебя. Да и как такую, как ты, любить-то можно?

Рука падает, словно телефон стал на несколько кило тяжелее.

Смотрю вперед, в темноту ночной улицы и не верю в то, что услышала. Не может быть. Я не могла. Да, я грозилась. Но не могла. Весь этот месяц как в тумане. И я пытаюсь найти там хоть отголосок того, что я сказала отцу.

Но точно не про насилие. Не могла.

А вот про то, что люблю, сказать могла. Могла.

Глава 11

Я задыхаюсь. Воздух, который только что был свежим, становится густым, заполняющим легкие. Я сжимаю в руке телефон, смотря вперед и ничего не видя.

– Вик, – зовет меня Камиль, трогая за руку. – Что случилось, на кого ты кричала?

– Камиль! – поворачиваюсь, впечатываясь в его грудь, пока по щекам слезы градом. – Отвези меня домой. Срочно! Мне нужно с отцом поговорить!

Камиль разглядывает меня, но быстро соглашается. Наверное, на лице написано отчаяние, в котором я захлебываюсь.

Кусаю губы все то время, что мы в пути. Камиль автоматной очередью задает вопросы о том, что случилось, но я даже не знаю, с чего начать, даже не знаю, как ему сказать. Что другого люблю? Что из-за моей истерики его могут убить? У Марата планы были, а я разрушила все.

– Вика! – не отпускает меня Камиль, никогда еще не был этот балагур таким серьезным. – Ты меня реально уже пугаешь. Сначала амебой ходила, а теперь словно проснулась. И вместо того, чтобы на меня внимание обратить, рвешься к отцу, про какого-то Марата треплешься. Что, блять, происходит?!

– Камиль, – рукой по его колючей щетине провожу. Все-таки красивый он, не удивительно, что за ним девчонки увиваются. Только вот ревности во мне это никогда не вызывало. А с Маратом... – В общем, нам стоит остаться друзьями.

Он не успевает рот открыть, как я целую его в щеку и выпархиваю из машины бабочкой, а вот в дом несусь опасным шмелем, готовым поразить одного старого жука.

– Папа, – хлопаю я дверь, но никто не отзывается. Только Вера из кухни выглядывает. Эта женщина вообще когда-нибудь отдыхает? – Где отец?

– В кабине, чай пьет с майором полиции...

Последнее она уже в спину говорит, потому что я мчу к кабинету. Раскрываю его, разве что не пинком.

– Пап!.. Здрате, – отдаю дань вежливости толстопузому майору Обуховскому. Моего отца благо не так сильно разнесло. – Пап, поговорить надо. Срочно.

– До утра подождет, выйди.

– Я сказала сейчас! – перехожу на фальцет, стягивая с себя вежливость. – Пожалуйста, пап.

Он поворачивается к Обуховскому с застывшей улыбкой.

– Молодежь она такая. Наверное, опять ноготь сломала. Я сейчас.

Мне даже жаль его. Для него внешнее благополучие важнее меня. Даже странно, что он снова не женился. Ради приличия.

– Вика, – дергает меня отец в библиотеку, что по соседству. – Ты разве не видишь, что я разговариваю. Подождать не могла?

– Не могла. Где Марат?

– Что? Какой...

– Балаев, Пап, не тупи. Ты что с ним сделал?

– А с чего такой интерес к этому подонку? Он тебя...

– Не трогал он меня. Неужели я сказала, что он меня насиловал?

– Не сказала, – признает отец, а меня как током бьет. Что это значит? А откуда выводы такие? – Но на твоём обессилившем теле были синяки и кровоподтеки. Ты вела себя как дикая, а Марат давно на тебя зуб точит. Я, конечно, сам виноват, что за тобой его отправил. Но он был в том районе, и давно мне должок хотел отдать.

– Постой, постой, не понимаю ничего, – я даже руку к шее прижимаю, словно там воздуха больше станет. – Какой зуб он на меня точит. Из-за чего?

– Вик, сейчас совсем не время.

– А накачивать меня психотропными время? Что мешало тебе поговорить со мной, а не делать дурацкие выводы! – ору в его каменное лицо. – Говори сейчас же! Какой зуб?

– Помнишь, в пятнадцать ты с машиной столкнулась? – нет, нет, меня сейчас на части порвет.

– Помню! При чем тут Марат!

– Он в машине был. С матерью и отцом. Сам, конечно, гнал, а тут ты. В общем, отца не стало, а мать в инвалидное кресло села.

– Ты врешь... Я не могла. Ты сказал, что все выжили, ты сказал, – виски от боли сжимает, почему Марат ничего не сказал, почему...

– Тогда все выжили, отец в коме еще месяц провел. Все счета за лечение на мне были. Мать его на ноги тоже я поставил. И его по контракту служить, чтобы не вертелся около тебя.

– А он вертелся, – слезы по щекам, руки на сердце. А стучит-то как...

– Еще как. Ты, считай, отца его убила, он так думал. Молодой, горячий. Но я его из точки горячей вытаскивал не раз, так что мы с ним крепко повязаны. Но он недавно сказал, что хочет со службы уйти, вот я и попросил об услуге, последний раз, так сказать.

– Пап, ты что наделал-то? Он же не трогал меня. Я ходила, как кошка вокруг него, – бью кулаками грудь круглую. – А он не пальцем. Я ведь даже сама его поцеловала. Папа! Папа! Вытащи его. Сейчас же, звони и вытащи.

Отец трет лицо, потом затылок чешет.

– Нет пока с ними связи. Через недельку появится, я, конечно, подсоблю...

– Папа! – ору я на него. – Ты невинного человека на смерть отправил. Там мать убивается!

– Завтра сделаю все, что могу, а теперь иди спать. Живо, сказал, – я знаю этот взгляд. С таким взглядом отец всегда за ремень брался. И я отшатнулась.

– Дочь...

– Я спать. Завтра поговорим.

Только вот я, конечно, не поговорила. Первое, что я сделала, это Камиллю снова позвонила. У него есть несколько знакомых хакеров, а у меня есть доступ к военной базе. Мне нужно найти Марата. Поехать к нему. И вот тогда отец точно его вытащит. Без вариантов.

А насчет моей вины в смерти отца его. Мне очень жаль, я даже не знала ничего. И я скажу ему об этом. И своим спасением смогу загладить свою вину. А потом скажу, как сильно люблю его и в покое оставлю.

Любить, конечно, не перестану. Особенно теперь, зная, как давно на самом деле нас связала судьба. Ведь я могла врезаться в кого угодно, в то же дерево или фуру, но почему-то судьба столкнула меня именно с его машиной. С его семьей, заставила вызвать в нем ненависть ко мне.

И будем честны, он не слишком успешно справился с задачей меня ненавидеть.

Глава 12

Марат

Жарко. По лицу струится пот, почти ослепляя. Но это ничего по сравнению с тяжестью во всем теле после долгого и утомительного боя. Настолько, что ноги на очередном подъеме подкашиваются. Но главное, впереди уже виден госпиталь. А значит, шанс, что не сдохну.

– Марат, брат, ты в порядке? – Наиль подлетает ко мне, пока встать пытаюсь. Сам бы спасался, но нет, ко мне лезет. Помогает встать, но я все равно отталкиваю. Не люблю я этого. Не время.

– Давай, шагай, малой, иначе сам без башки останешься, – киваю на населенный пункт, до которого не меньше километра. Туда несем раненых, туда же ведем мирных, что выжили в мясорубке.

Все-таки каждый раз возвращаясь в места, где боевые действия идут регулярно, вспоминаешь, какое дерьмо этот мир.

И что все, что остается порой – выживать.

Мне дали бригаду молодых бойцов, а они все только со скамьи школьной. Вот и Наиль тоже.

Я так хотел покончить с этим, так хотел нормальным стать.

Не просыпаться от каждого шороха, не реагировать агрессией, если ко мне со спины подходили, мать с сестрой уже хотел из деревни нашей вывезти.

Я просто жить хотел. Но черт дернул меня на просьбу Даниленко отозваться. Зачем? Я только потом понял, когда анализировал по пути сюда.

Посмотреть на дочь его хотел. Понять, справился ли с лютой ненавистью, которую она во мне пробуждала. Справился, самому тошно. И чем закончилось? Тем, что она меня сюда отправила.

Теперь вот здесь от пуль спасаюсь, парней молодых теряю.

Иногда хочется самому в могилу лечь, чтобы забыть все, что видел, но судьба словно снова и снова дает мне шанс. А я снова его проебываю.

Наверное, потому что привык убивать и выживать. Потому что для меня это легкие деньги.

Если выжил, зарабатывать легко. Тебе и звание героя дают. И деньги насыпают нормально. Даже квартиру и землю.

Парни молодые все здесь за этим. Думают, легкие деньги, только вот не знают, как легко при этом здесь сдохнуть. Одно неверное движение, и ты просто говно в цинковой обертке. Это если твой труп вывезут.

Мы наконец в населенном пункте, можно на время расслабиться, потому что здесь военный госпиталь. Два этажа. Лучшие военные хирурги. Приятные медсестры. Приятные, потому что в безопасности. Госпиталь в этой части страны по общему негласному соглашению никто не трогает.

Я терплю боль в ноге и помогаю донести раненого в живот паренька, которого пристрелили уже на выходе из зоны боевых действий.

Потом ташу другого, кому взрывом руки оторвало.

Жесть. Крики. Кровь.

Мое привычное местопребывание. Иногда даже во время тишины эти звуки меня преследуют.

Может это и есть моя жизнь? Может зря я хочу туда, где небо мирное. Зря хочу тишины. Зря хочу семью. Кому как не мне знать, как легко этого лишиться.

Одна пуля.

Один взрыв.

Одна взбалмошная девочка за рулем.

Я даже с психологом говорил. А еще с мудрецами из своей деревни. Нужно уметь прощать, но как же это тяжело дается, когда она вот такая. Когда она даже не чувствует своей вины.

– Рад вас живым видеть, Балаев. Что с ногой? – осматривает меня Мурад Фархатов. Главный врач он, конечно, но всегда на передовой. Дай ему волю, помчался бы спасать парней в самое пекло. Я держу ребёнка, возле которого беспрестанно рыдает его мать. Фархатов кивает на койку, и я опускаю пацана лет четырнадцати. На теле многочисленные гематомы. Сразу вспоминается, как мы с парнями с холмов скатывались в таком же возрасте. И тогда тоже были синяки. Только вот причины разные.

– Царапина. Мальчиком займитесь.

– Туда сядь. Сейчас кого-нибудь пришлю, посмотрят.

– Помогайте тем, кому это нужно, а мне лучше бы спирта.

Это проще. Проще нажраться, забыться, утолить жажду между гостеприимных бедер очередной медички. Вон та ничего, смотрю я на беготню молодой медички. Хотя худощава на мой взгляд. Падаю на свободную кушетку, наблюдая, как стройные ноги мечутся от одного больного к другому.

Как они быстро перебирают, а тонкие руки профессионально ставят капельницу.

Забавно, но не так, как другие, более грузные медсестры. У этой рука легче. Тоньше. И пальцы такие, что хочется их на члене своем представить.

Она и сама прям пушинка. Молодая. Русская. Что она вообще здесь забыла. У меня сестра не старше. И меньше всего я желаю ей здесь оказаться. Голова покрыта не платком, а шапкой белой, из которой выбивается растрепанная светлая коса. Наверное, одна из тех на голову повернутых волонтеров, которые едут сюда, чтобы потом рассказывать, какие они героини.

– Вика! – зовет Фархатов, а меня как током бьет. Это имя я уже три года ненавижу. Просто до зубного скрежета. – Заканчивай с этим жеребцом, у него царапины. Дойди до третьей и спирта бутылку возьми.

– Для обработки? – слышится звонкий голос без единой нотки акцента.

– Перорально.

Я словно в замедленной съемке перевожу усталый взгляд выше, с крутых бедер на профиль лица.

Понимаю, что это не просто какая-то рандомная Вика.

Это, блять, Даниленко, с которой пытается флиртовать Наиль. И еще никогда я не хотел так сильно оторвать руки мужику, которыми он за ручку ее пытается схватить.

Но гнев на него проходит быстро, когда я вижу профиль Даниленко.

Я думал, я злость испытывал, когда из автомата отстреливался.

Но как же я ошибался.

Она что здесь, твою мать, делает?

В городе, который уже завтра могут с землей сравнять?

И я даже не знаю, что меня бесит больше – ее появление в этом аду или то, что у меня на нее стояк хронический. Несмотря на всю ненависть, несмотря на презрение. Сука? Снова поиграть захотелось? Добить врага?

– Сладкая, я ведь женюсь на тебе, – предупреждает Наиль ей вслед, а потом мой взгляд ловит и подносит пальцы к губам, мол «ах, какой персик». Правда заметив, что энтузиазма я не разделяю, весь сник.

Очередная жертва ее красоты. Очередная жертва этой разрушающей мужское нутро девки.

Я опускаю взгляд в пол, считаю до десяти.

Это всегда помогало успокоиться.

Но не сейчас, когда запах лимона, который даже сквозь кровь, антисептики и порох пробивается. Щупальца свои к моему горлу подносит, стягивает до нехватки воздуха. На боли в ноге что ли сосредоточиться... Но нет, все, о чем могу думать, что у нее под халатом, со сколькими спала за это время, как быстро можно сломать тонкую шею.

Руки сами собой в кулаки сжимаются.

Особенно, когда шаги рядом затихают. Я вижу плетённые лодочки, тормознувшие недалеко от меня. Они стоят больше, чем одежда всех вместе взятых. Эти мысли утихомирили член, и ненависть на первый план вышла. Огнем в груди разгорелась. Во рту пересохло.

Узнала? Не удивлена... Знала, что увидит меня здесь?

Я трясусь головой, потому что там картинка, как я ее пизжу, все ярче.

И надеюсь, она все сделает молча, потому что иначе безумная фантазия разобьет ей тупую, пусть и красивую башку.

Она вздыхает так шумно, что я чувствую ее сладкое дыхание. Губы жжет, словно кто-то по ним крапивой прошёлся. А на деле я просто помню ее поцелуй. Бешеный. Дикий. Совсем, блять, не девственный.

Она буквально растолкала в стороны мои губы, чтобы коснуться языка.

А я, идиот, оттолкнуть не смог. И забыть не смог, хотя прошло уже полтора месяца.

Она быстро подходит вплотную, наклоняется и молча ногу мою берет. Только вот тяжело ей, а задачу я не облегчаю. Спустя пару минут безуспешной борьбы, на колени опускается, взгляд не поднимает. Ногу обрабатывает быстро, профессионально. А я вместо того, чтобы спасибо сказать, глушу в себе желание стояк свой железный достать и между губ, которые она то и дело облизывает, толкнуть.

Такой покорной выглядит, очуметь. Легко забыть, кто она на самом деле. Потому что ее внешность с ее блядской натурой никак не вяжется.

Вика убирает свои пальцы от моей перевязанной ноги, ставит литровую бутылку спирта и стакан на пол рядом со мной. Все, уходи, уходи...

Лишь на миг взгляд голубых глаз поднимает. И как обухом по голове. Похоть трансформируется во что-то болезненное, животное. Она отшатнуться не успевает, а я ее за косу хватаю. Дергаю так сильно, что она вскрикивает.

– Не подходи ко мне, сука. Никогда ко мне не подходи, если сдохнуть не хочешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.